

Николай Свистунов

Интервью на разворот

Николай Свистунов

Интервью на разворот. Рассказы

«ИП Князев»

2011

Свистунов Н. Ю.

Интервью на разворот. Рассказы / Н. Ю. Свистунов — «ИП
Князев», 2011

Человек перед лицом несправедливости – так можно назвать лейтмотив новой книги Николая Свистунова. Большинство её героев – люди, оказавшиеся в местах лишения свободы. Но и на воле человек может быть несвободным...

© Свистунов Н. Ю., 2011

© ИП Князев, 2011

Содержание

Дневник бессмертия	5
Интервью на разворот	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Свистунов

Интервью на разворот

Дневник бессмертия

По теории вероятности, мы все попадаем в неприятности. Даже самый удачливый и везучий человек, нет-нет, да и наступит на коровью лепёшку. Другое дело, что неприятности бывают разные: одни пустяковые, а другие как схватят за горло, как сожмут грудь, до того тошно – хоть плачь. От такой неприятности в теле озноб, а в голове бессонница и каша из разных нехороших мыслей. Стара пословица: «Пришла беда – открывай ворота», но точнее не скажешь. Волна за волной, словно метущийся океан хочет проглотить человеческую душу, накатывают на тебя неприятности, и тут только смотри... Следующая волна уже на подходе, выбраться из передраги сложно, определённая ловкость нужна, – а какая ловкость у пенсионера.

Яков Владимирович Намедни был пенсионером с большим стажем. На его длинном веку многие одногодки сходили с дистанции на выживаемость, а он, ничего, жил. Хотя, по правде сказать, шансов прожить долгую жизнь у него не было никаких. История появления на свет Якова Владимировича Намедни относится к тем годам, когда отгремела гражданская война. На бесчисленных дорогах, в городах и весях погибло множество всякого народа, русских и нерусских, богатых и бедных, грамотных и не очень. В огне войны и революции перемешалась страна, но природу не обманешь. Отгремели орудия, вытерли будёновцы красные от крови сабли, засунули их в ножны, и давай народ плодиться и размножаться. Заметьте, что плодиться и размножаться начали все и сразу. Чтобы восполнить невыносимые для страны людские потери, мужики и женщины бросались в объятия друг другу.

День своего рождения, а также год, в котором ему угораздило родиться, он не знал. Вернее знал, но примерно. Год туда, год сюда – какая разница. Главное, что родился Яков Владимирович Намедни ранней осенью в небольшом городишке в центральной части России, и запись в его метрике гласила однозначно: год рождения – 1926.

Отчего такая неразбериха? – спросите вы, а от того, что Якова Владимировича Намедни в то раннее предосеннее утро нашла под забором, запелёнатого в одеяльце, простая женщина-молочница. Шла она себе потихоньку в булочную очередь за хлебом занимать, думы разные думала, и вдруг бродячая собака затыкала под ногами. Тут надо упомянуть о том, что

собака в 1926 году была большой редкостью. В голодные годы почти всех собак съели. Население городка не могло мириться с тем, что в животе урчит от голода, а мясо просто так бегаёт по дорогам и на тебя ещё и лает. Так что женщина оторопела. Вот так новость – собаки развелись в городе! А, кстати, чего это собака рано утром лает на забор? Оглянулась молочница, посмотрела с опаской по сторонам и ничего опасного для себя не обнаружила. Собака рыжей масти, худая и наглая, оскалила зубы в предзакатных сумерках, словно у её ног лежал враг. Любопытство разобрало женщину. Она яростно, не хуже собаки, рывкнула в собачью сторону и для острастки махнула пустой кошёлкой.

– Ишь, разоралась с утра, собачья порода без роду без племени, – добавила она к взмаху кошёлки и только после того, как собака испугано взвизгнула и скрылась в дыре покосившегося забора, подошла ближе.

В тени штакетника, прямо на траве, она увидела лежащий шевелящийся комочек. Этот комок был запеленут в тонкое одеяльце и, видимо, содрогался от холода и голода.

«Эх, не к добру это», – подумала женщина, но на счастье подкидыша не поленилась, нагнулась к одеяльцу, развернула его и увидела то, что и ожидала. В серой простыне барахталось маленькое, синюшного цвета существо мужского пола. Это существо посмотрело на женщину чёрными глазами и тихо пискнуло. После второго писка молочница выдохнула, в её сердце проникла жалость к недавно родившемуся человеку, брошенному на произвол судьбы сучкой-матерью.

– Боже праведный! – вскрикнула она. Правая рука попыталась было осенить лоб крестным знаменем, но замерла на полпути. Новая власть объявила, что Бога нет. Кто его знает, есть он или нет, а неприятности на себя накликают не было никакой необходимости. Молочница прислуживала новому начальству строящейся Страны Советов и видела, что происходит с теми, кто по-прежнему верит в Бога и крестится.

Товарка испуганно осмотрелась по сторонам, и только убедившись в том, что её никто не видит, подняла комочек на руки.

Улица была пустынная. Покосившийся забор расщеперил свои уцелевшие гнилые доски. Разграбленные и сожжённые дома только-только начали восстанавливать новые хозяева, так что ни одна живая душа в то раннее предзакатное утро не видела, как не старая ещё женщина положила в пустую кошёлку найдёныша и засеменила к недавно открывшемуся городскому приюту.

Уничтожив миллионы взрослых родителей, Советская власть заботилась о брошенных детях. В стране повсеместно открывались приюты и детские дома. Власть взялась за беспризорность всерьёз. Да и куда же нести грудного ребенка, если не в приют. Тем более, начальником приюта был давний знакомый молочницы. Терентий Савельевич до революции был учителем словесности в женской гимназии, а теперь всей душой принял Советскую власть и быстро выбился в люди. Утро не было хмурым, а, наоборот, радостным и весёлым. Женщина сдала найденного ребёнка в приют и даже успела занять очередь за хлебом и отовариться.

Ребёнку тоже было весело. В приюте его перво-наперво помыли, перепеленали и накормили тем, что дала Советская власть. А Советская власть вырвала из лап домашнего рабства уборщицу Феоктистовну. Благодарная женщина принялась каждый год рожать новой власти по ребёнку, которого сдавала в приют, где работала и жила. Своей необъятной грудью она могла накормить не то что подзаборного подкидыша, но и целый отряд девчонок и мальчишек. Получается, Советская власть накормила малыша по первому разряду.

Согретый и накормленный подкидыш сладко заснул в чистых пелёнках, а в кабинете заведующего детским приютом собрались все, пока немногочисленные, его работай-ки: необходимо было узаконить появление малыша на свет. Для этого нужно было присвоить мальчику имя, фамилию и отчество. Мода на революционные имена дошла до самых медвежьих уголков необъятной России, не говоря уже о средней полосе.

Работники приюта, близкие по духу к партии большевиков, сразу предложили на выбор несколько имён героев революции и гражданской войны. Сторонники и почитатели покойного Свердлова предложили назвать малыша Яковом.

Очень мужественное имя, – решили обитатели приюта и поставили имя на голосование. Оно прошло единогласно. Про отчество и думать нечего. Два года назад в жуткие январские морозы похоронили вождя мирового пролетариата Ульянова-Ленина. В знак скорби и уважения работники приюта в одном порыве сошлись.

– Пусть мальчик будет рождён как бы от вождя революции Ленина, – предложила молоденькая нянечка Тася. – Он для всего трудового народа хотел счастья, жизни не жалел, умер от отравленной пули, выпущенной врагом народа. Светлая ему память. Найдёныша мы воспитаем, словно он родился от Ильича. Пусть будет Владимирович. Проголосовали и этот вопрос. После страстных слов нянечки Таси ни одна рука работников детского приюта не дрогнула. Осталось выбрать фамилию. Вот здесь нашла коса на камень. Сколько работников – столько и предложений. Не меньше часа каждый норовил пропихнуть на голосование свой вариант фамилии. Единодушие испарилось. Наверное, в этот момент переругались бы все, но выручил, как ни странно, самый малограмотный человек в советском учреждении.

Дворник Петрович молча стоял в дверях, подпирая дверной косяк, и с интересом наблюдал за шибко грамотными. Он ничего не понимал ни в русской словесности, ни, тем более, в истории русских и советских фамилий. Даже партийные клички большевиков были ему не знакомы и малопонятны. Но произнесённая им фраза заставила взорваться от восторга начальника приюта:

– Намедни, это, стою я утром у крыльца...

– Намедни! – заорал бывший учитель русской словесности женской гимназии, а ныне заведующий детским приютом, принявший и полюбивший Советскую власть всеми фибрами души. – Намедни! – прекрасное русское слово. Есть что-то в нём сильное и страстное, даже я бы сказал, таинственное. Оно означает «вчера, недавно», и хотя вся страна в едином порыве смотрит в светлое будущее мировой революции, мы назовём ребёнка в честь вчерашних героев. Яков Свердлов, Владимир Ленин. Ещё вчера они были рядом с нами и вели нас к победе трудового народа над поработителями. Теперь их нет с нами, но есть этот прелестный живой комочек, в котором я уверен, бьётся сердце настоящего строителя будущего. Сгусток новой революционной общности, надежды на светлое будущее. Долой путы самодержавия и пережитки прошлого с дворянами и всякой белогвардейской сволочью! Смерть врагам революции!

Лица присутствующих засияли от восторга. Терентий Савельевич раскраснелся, его глаза вспыхнули недобрым огнём к врагам революции.

– Вы скажете, что «намедни» – это не революционное слово. Ну, уж нет. Очень революционное. Вчерашнее даст росток завтрашнему. Ставлю вопрос о фамилии Намедни на голосование.

Присутствующие не осмелились перечить ярому борцу за светлое будущее. Тем более это будущее уже стучалось в двери, оно было рядом, до того рядом, что казалось, протяни руку и упрёшься в него – в светлое будущее мировой революции.

Вот таким вот демократическим образом (по многочисленным рассказам работников детского дома имени мировой революции) получил найдёныш свои имя, отчество и фамилию: Яков Владимирович Намедни.

На этом демократия в его жизни закончилась. Суровое время подняло Россию на дыбы. Страна Советов боролась с мировой буржуазией. Родине нужны были идейные борцы, самоотверженные и смелые, готовые отдать жизнь за светлое будущее. В этой борьбе было не до буржуазных церемоний. Дисциплина и порядок, работа не покладая рук и ещё страх. Он проник в детдомовца тихо и незаметно, но пустил корни. Маленький и худенький воспитанник Яша быстро понял, как надо жить в Стране Советов. Сначала он вступил в пионерскую орга-

низацию, откуда прямая дорога в комсомол. С годами Яшка превратился в беззаветного борца за светлое будущее, вперёд не лез, но и сзади не плёлся, на собраниях говорил только то, что от него ждали, не удивлял, но и о себе забывать не давал. После детдома выучился в ФЗУ на слесаря-инструментальщика. Когда началась война, ему не было 18 лет. Это его и спасло. Всю войну Яков Владимирович Намедни проработал на военном заводе, который был эвакуирован в Казань. За свой доблестный труд был даже награждён медалью. После войны вернулся в родной город. Рабочие руки на разрушенном войной заводе, ой, как были нужны, а Яшка не только умел работать, но ещё и научился говорить. Возглавил комсомольскую ячейку, затем стал комсоргом цеха. Женился. Правда, детей Бог не дал. Что-то там простудил в детстве. Однако Яков Владимирович Намедни не грустил и не унывал. Жизнь у него была полосатая, то вверх, то вниз, то хорошо, то плохо. Жизнь меняла чёрную изнанку на белый верх, туда и обратно. Однако он был счастлив. А что ещё надо человеку, живущему в стране, которая к 1980 году построит коммунизм? Биография – что надо: из детдомовских, рабочий человек, не репрессирован, не привлекался, в партии с 1945 года. Пил как все, жил как все. На годы не обращал внимания. Знал: впереди у него уйма времени. В своём долголетии Яков Владимирович Намедни не сомневался ни секунды. Уверен был – он точно доживёт до коммунизма. Вот он, 80-ый год, рядом, рукой подать, и в коммунизм он войдёт не дряхлым стариком, а взрослым, опытным мужчиной. 54 года – ерунда.

Ещё тогда, в детдоме, остановила его как-то раз гадалка. Ходили такие женщины по городам и весям с котомкой за плечом, гадали на картах, по руке. Гадалки среди простого народа пользовались огромной популярностью. А как же! Бога нет, а своё будущее узнать надо. Каждому человеку, которому живётся трудно, хочется услышать о том, что хотя бы в будущем у него будет всё хорошо. Так уж устроен человек. Правда, Яшка в ту пору своим будущим не интересовался. Однако, как попала во двор детдома гадалка, он до сих пор не может понять. Чужих на территорию объекта, который практически находился под охраной, не пускали. А она прошла. Толстая, с рыжей чёлкой и голубыми глазами, в старенькой обдергайке гадалка схватила его за руку и притянула к себе.

– Хочешь, погадаю на твою судьбу? – спросила она Яшку ласковым голосом заботливой воспитательницы.

Яшка кивнул головой. Хотя в душе посмеялся над гадалкой. На школьных уроках ему вдолбили, что Бога нет, как нет и дьявола. Человек – сам хозяин своего будущего и своей судьбы. Партия Ленина – наш рулевой, и мы идём семимильными шагами к победе коммунизма на всей планете.

Женщина взяла его руку и начала водить своим не очень чистым пальцем по ладони. Яшка хихикнул от щекотки, но увидев потусторонний взгляд гадалки, поражённый необычным поведением взрослого человека, застыл. Шли секунды. Она молча разглядывала Яшкину ладонь и, наконец, подняла свои глаза на мальчика.

– Проживёшь ты долго, парень. Как звать-то тебя?

– Яшка, – ответил он.

– Вот, Яшка, Яков. Вот она, твоя линия жизни. Далеко идёт. Заходит за ладонь. Это хорошо. Долго жить будешь. Может, не очень богато. Будешь небольшим начальником. Это ясно видно – вот она, линия.

Она туда-сюда водила пальцем по Яшкиной ладони и говорила, словно училка на уроке, – монотонно и безапелляционно. Словно так оно и будет. Словно сбудутся точь-в-точь все её слова.

– Только смерть твою мне разглядеть не получается. Линия как-то странно заворачивает. Никогда я такого не видела... Ни разу. Словно откуда вышел – туда и придёшь. Не понятно.

Яшка пожал плечами. Если тётке-гадалке было непонятно, то ему тем более.

– Восемьдесят лет проживёшь, вот тебе мой сказ, Яков. А дальше жизни у тебя нет. Врать не буду. Не люблю врать. Всю правду людям говорю.

На том и остановилась. Едва отпустила гадалка Яшкину руку, как убеждал он со двора к своим сверстникам и напрочь забыл о пророческих словах. Надолго забыл. Вспомнил он о них перед отправкой состава в Казань, когда на промокшем перроне плакали навзрыд и те, кто оставались, и те, кто уезжали в чужой город. Плакали от страха те, кто оставались. Плакали от страха те, кто уезжали. Страна воевала. Война не тётка, не пироги стряпает. Война – это старуха с косой. Косит, не разбираясь, молод ты или стар. Всех подряд. Шёл Яков Владимирович Намедни по перрону в свою теплушку и вдруг ощутил на ладони корявый палец гадалки и голос её услышал.

«Лет восемьдесят проживёшь, вот тебе мой сказ», – звучало в ушах.

Чего греха таить – обрадовался Яшка такому воспоминанию. Приятно ему стало. Жив будет. Вокруг гуляла смерть, шли похоронки одна за другой. Тысячами гибли люди в мясорубке войны, а у него такая радость. Восемьдесят лет – вечность.

Второй раз вспомнил он о гадалке, когда ему было чуть за сорок лет. Пошли они с бригадой на рыбалку. На зимний лёд. Дело весёлое. Лёд крепкий. Выпили чуть-чуть. Согрелись. Рыбы наловили для ушицы, и вдруг треснул лёд под ногами рыбаков. Сколько было ребят – все ушли под воду и Яшка в том числе. В несколько секунд от жуткого холода свело мышцы. Смерть схватила его за горло ледяной рукой. Яшка начал тонуть и крик души: «Не может быть, я ведь жить должен до 80 лет, так гадалка нагадала!» заставил его ухватиться за край льда. Какая сила вынесла его из полыньи на лёд, он не помнил.

Вся его прежняя уверенность в том, что Бога нет, а гадалки врут, испарилась в одно мгновение. Яков Владимирович Намедни вдруг понял, что он личинка в огромных просторах вселенной и от его желания ничего не зависит, и не известно, кто и зачем вершит его судьбу. Ледяная вода отрезвила его, как беспробудного пьяницу. Очнулся Яков от забытья и понял, что всё не так просто, как ему казалось. Жизнь задаёт загадки, которые он не в силах разгадать. Таинственная сила вытащила его на лёд, а полынью неожиданно увидели с пролетавшего вертолётки военные, и чудесным образом он был спасён. Один из всех. Это был знак для Якова, и он этот знак осознал. Не врала, значит, цыганка. 80 лет ему отведено, не больше, но и не меньше. Возрадовалась душа и загрузила. После ледяной купели враз Яков Владимирович Намедни изменился. Курить и пить бросил навсегда (насчёт водочки несколько раз нарушал обет, чего греха таить, но только в разумных пределах).

«Если рассудить и понять, что жить надо до 80 лет, то желательно быть здоровым», – разумно рассудил Яков Владимирович. Очень ему не хотелось на старости лет превратиться в никому ненужного инвалида.

Вся жизнь Якова изменилась с тех пор. Каждая очередная встреча Нового года была печальнее предыдущей. С боем курантов уходила жизнь. Время торопилось, словно секундная стрелка решила стать олимпийским чемпионом по бегу, и чем старше становился Яков, тем страшнее казалось ему недалёкое будущее. Неминуемая черта жизни приближалась. Каждый день, каждую минуту и каждую секунду Яков Владимирович Намедни ощущал внутри себя ход времени.

«Поистине счастлив тот человек, который не знает своего конца», – так думал он и был прав. Создатель предусмотрел невероятные мучения человеческой души, связанные с окончанием брэнной жизни. К чему знать будущее? Оно тем и прекрасно, что неизвестно. Да, Яков болел, выздоравливал, у него случались всякие неприятности. Однажды он попал в дорожную аварию. Но что с того? Отделался лёгкими царапинами да вывихнул плечо. Как мог, Яков Владимирович Намедни боролся с навязчивой идеей окончания жизни в 80 лет и, возможно, сошёл бы с ума, если бы не природный русский пофигизм. Однажды утром, проснувшись в половине пятого, он с удовольствием отметил, что далеко не каждый человек в этой стране доживает до

80 лет, и что совсем неплохо – дожить до глубокой старости. К чему беспокоиться по такому пустяковому поводу? Себя мучить и другим надоедать? Наоборот, надо быть довольным такой судьбой.

– И чего это я, действительно? – вслух сказал он и встал с кровати. – Это же здорово – знать время своей смерти, а там, может, ещё и поборемся со старой шлюшкой. Авось, оттяпаем лишний годок. Цыганки врут и довольно часто.

Успокоился человек. Перестал просыпаться в холодном поту и кричать проклятия старой цыганке. Начал жить себе-поживать, берёт своё здоровье в надежде, что вырвет лишние года два у смерти.

И ведь дожил до своего восьмидесятилетия Яков Владимирович Намедни. Дожил в полном здравии и сознании. И случилось чудо. После дня рождения он с удовольствием понял, что ещё жив.

Смерть, старая кляча, видимо, задержалась в дороге или обошла его квартиру стороной. Горько стало Якову от такой несправедливости. Человеку трудно угодить. Жив остался, а ворчит. Есть о чём горевать.

«Сколько дум я передумал, сколько страхов испытал», – размышлял Яков Владимирович Намедни. Последний год – так особенно страдал. Всё ждал, вот он, последний день его жизни, а получилось вон как. Жив-живёхонек, хоть сейчас на полу пляши. Последние дни перед днём рождения Яков всё чаще и чаще вспоминал прожитое, с самых ранних лет в детдоме, когда только начал осознавать себя, до последнего времени. Ему не в чём было каяться и мало чем было гордиться. Подвигів он не совершал, жил, как все, и теперь уже умрёт, как все, не оставив на земле никакого следа. Для чего родился, для чего жил – один обман, туман, фантазия.

Правители одной шестой части суши, сменяя друг друга, удивительным образом норавли обдурить его, словно издеваясь, обещали светлое будущее. Правда, сейчас надо Якову чуть-чуть потерпеть – и всё наладится.

Обещания так и закончились пшиком. Каждый правитель обещал к старости неземные блага и цивилизацию, но проходило время, а кроме ухудшения жизни ничего не случалось. Коммунизм к 80-му году не построили, по отдельной квартире каждому не дали. Обидно, а с другой стороны, – на кого обижаться? Нечего ждать манны небесной от правителей. У них свои дети и свои проблемы. На земном шаре каждый выживает в одиночку, несмотря на то, что иногда живёт в стае.

Было о чём жалеть, но не каяться. Как мог, так и жил Яков Владимирович Намедни. Его названный отец всё ещё лежал в Мавзолее на Красной площади, отравляя жизнь миллионам россиян. Всё смешалось в голове у старого Якова, он совсем потерялся во времени и в пространстве. Получается, что мысль о том, что он скоро умрёт, лишила его возможности жить полноценной жизнью.

Говорят, что человек живёт, пока его помнят, а кто мог вспомнить Якова? «Жил незаметно, и умер – не жалко», – это про него сказано. Детей нет, дом не построил, дерево не посадил. Кто его предки, чей он сын и внук, куда подевались его отец и мать, – всё скрыто туманом. В кого он уродился, от кого перенял те или иные черты характера, на кого похож телом и лицом – неизвестно, а главное, он не узнает об этом никогда, словно родился в пустоте и уходит в пустоту. Имя ему дали в честь Якова Свердлова, отчество – в честь Владимира Ленина, а фамилия вообще означает вчерашний день. Скоро и сам Яков станет вчерашним днём. Осталось недолго.

Хотя, нет. Старик прислушался к себе и с удовольствием отметил, что несмотря на столь преклонный возраст, чувствует себя неплохо. Он успокоился и обрадовался. «Гадалка, зараза, могла и обмануть», – подумал он, потирая руки.

«Не люблю врать, – передразнил он цыганку. – Соврала, как пить дать. День рождения прошёл, а я жив». Напутала цыганка со сроком – и это приятно. И хотя некоторое время сомнения терзали его душу, но как-то уже спокойнее, без надрыва и глупых мыслей.

Прошла неделя. Все сомнения исчезли. Яков Владимирович Намедни окончательно убедился в лживости гадалки.

«Соврала гадалка, с моим самочувствием проживу не меньше ста лет», – сказал он сам себе, и вот именно с этого момента и начались все его несчастья.

Захотелось ему женской ласки, семьи что ли, хоть какой-нибудь. Отношений. Тихих разговоров за чашкой чая. Жену он схоронил давным-давно и всё никак не хотел повторно жениться в ожидании своего конца. А тут на тебе! Жив-здоров и, как говорил известный юморист: «Ещё ого-го!»

Как-то воскресным вечером взял он в руки газету и прочитал на последней странице объявления о знакомствах. Вычитал, что и для него, для старика, есть шанс обзавестись заботливой женщиной – не старой и энергичной, которая готова ухаживать за престарелым человеком в обмен на проживание в квартире.

Жилплощади хватало, не было только тепла и душевного равновесия, и так захотелось Якову Владимировичу Намедни тихого семейного счастья, что он аж прослезился.

Всё утро ходил возле телефона Яков, не решаясь взять трубку и позвонить незнакомой женщине. «Не поздно ли задумал принять женскую ласку?» – говорил ему один внутренний голос, принадлежащий опытному человеку. – «А почему бы и нет?!» – отвечал другой внутренний голос, более легкомысленный.

Ходил Яков по квартире, ходил и, наконец, решился...

Он набрал номер, прижал трубку к уху, и на другом конце провода приятный женский голос тихо сказал:

– Вас слушают, говорите...

Голос был такой мягкий и задушевный, что старик чуть не разрыдался от нахлынувших на него чувств. Чувств живого человека.

– Говорите... вас слушают, – настойчиво переливался голос в телефонной трубке.

И он начал говорить. Про объявление, про одинокую старость и о том, что намерен прописать добрую женщину в обмен на уход за ним. Годы одиночества добились его. Может, это и заставило его окончательно поверить в отсрочку. «Пожить по-человечески хотя бы год-два», – думал он, и солоноватые слёзы текли по его дряблым щекам.

Она пришла. Высокая, статная женщина. Черноволосая, с причёской каре. Лет пятидесяти пяти на вид. В модном плаще, с сумочкой из крокодиловой кожи, в блестящих лаковых сапожках. Она не только вошла в его трёхкомнатную квартиру в центре города, но и в его престарелое сердце. Он влюбился в неё – относительно молодую, энергичную и при том хозяйственную и обходительную женщину. Сердце старика растаяло, как снег в мае. Быстро и без следа. Яков Владимирович Намедни без проволочек, боясь упустить собственное счастье дожить остаток дней в неге и женских заботливых руках, прописал её в неприватизированную квартиру, фактически сделав хозяйкой жилплощади. Ему бы подумать, остановиться, перестраховаться. Очнуться от женских обольстительных чар и задать, наконец, вопрос: с какого перепугу «такая» женщина возится с ним, как с писаной торбой? Ясный перец, не за его красивые глаза, а за дорожающие квадратные метры. И началось.

Как только все формальности с пропиской в его квартиру Маруси Евдокимовой были завершены, у неё с лица вмиг исчезла милая улыбка, добрые глаза потухли, а вместо ласковых слов изо рта полезли матерщина и жуткое шипение, словно Маруся в одночасье из женщины превратилась в змею.

Так начались страдания Якова Владимировича Намедни. Страдания пришли в его душу и уселись в ней надолго, опёршись локтями. В квартире стали появляться какие-то мужики.

Маруся переселила его в маленькую комнату, а на остальной территории стала полной хозяйкой. Теперь он жаждал смерти, которая к нему упорно не шла. Жизнь стала невыносимой. Думал он, думал и решил бросить квартиру и переехать в дом старости. Маруся, как бы случайно, подсунула ему адресок и выписку из газеты о том, что старики в доме престарелых чувствуют себя на седьмом небе от счастья. Живут в радость, и хоронят их с почестями. Именно последнее больше всего заинтересовало Якова Владимировича. «Хотя бы похоронят достойно, – подумал с горестью он, – а эта коза выбросит тело на помойку или закопает где-нибудь в лесу на свалке, от греха подальше».

Однажды утром он решился. Терпение его лопнуло. Маруся накануне гуляла с мужиками в его родной квартире. Обмывали день рождения. Мало того, что орали и плясали всю ночь, так ещё оставили его голодным.

Здоровенные мужики под водочку «спорили» всё, что было не приколочено. Сначала на столе, потом в холодильнике и под конец – на балконе. Когда старик вышел утром из своей комнаты, он понял, что таким макаром его просто заморят голодом. Бороться с молодыми и наглыми гостями у него не было сил и желания.

На улице светило солнце, но оно уже не грело. Кончалось лето, наступала осень. Яков Владимирович Намедни надел тёплую рубашку, старенький, но ещё прочный шерстяной костюм, обулся в «прощай молодость», взял газетку со статьёй о доме престарелых и вышел из квартиры. Провожал его мощный храп мужиков и баб.

«Словно хор имени Александрова», – подумал он и громко хлопнул дверью от съедавшей его ненависти. Не такой жизни он желал себе на старости лет.

До дома престарелых добирался Яков Владимирович Намедни не долго. Две остановки троллейбусом и ещё чуть-чуть пешком. Он подошёл к зелёному штaketнику. В красивом палисаднике пенсионеры копались в цветочной клумбе. Клумба была огромной. Море разноцветных цветов изображало флаг Российской Федерации. Яков Владимирович усмехнулся. Совсем как в детстве, где он вырос, только флаг другой и контингент на пол столетия моложе.

Он залюбовался работой десятка старушек, которые усердно пололи сорняки, тихо напевая: «Издалека-а, долго, течёт река Волга, течёт река Во-олга, конца и края не-т». Яков Владимирович вспомнил Казань, свою молодость, будни работников тыла и в сердце у него защемило от нахлынувших чувств. Он и не заметил, как к нему сбоку подошёл такой же, как он, старичок.

– Хорошо поют, – вздохнул он.

– Хорошо, – подтвердил Яков Владимирович и посмотрел на подошедшего.

– Завтра первое сентября, – продолжал тот, – вот наши девочки и стараются. В былые времена я бы их пожалел. Пацанами мы в ночь на 1 сентября такие клумбы раздевали враз. А теперь не жалею. Молодцы. Красота – она сила. Пацанва их всё равно отнесёт учителям. Те будут рады. Старушки тоже. Прослезятся. Половина контингента в доме престарелых – это учителя.

– Так вы тоже из дома престарелых?

Мужчина приветливо улыбнулся и кивнул головой.

– Тоже. Только мы второе слово пропускаем, говорим «Дом», а «престарелых» как-то звучит плохо. Согласны?

Яков Владимирович согласно кивнул.

– Ну, и как там у вас в... доме?

– Как вам сказать, – старик немного помолчал. – Как вас зовут, кстати? Давайте сначала знакомиться. Я Иван, а вы?

– Яков.

– Так вот, Яков. Скажу так. Этот дом лучше, чем помойка. И достаточно. Что, вы собираетесь стать нашим соседом?

Иван рассмеялся. Яков Владимирович обратил внимание на то, что весь рот у старика был полон зубов, и они были настоящими, не то что его протезы. Старик заметил удивление и, наклонив голову к его уху, сказал:

– Удивляетесь. Вы ещё больше удивитесь, если я расскажу вам что-то совсем интересное и забавное, да такое, что вы ахнете. Хотите?

Яков Владимирович не успел ответить. Собеседника позвали. Кто-то громко крикнул басом:

– Иван Алексеевич, вы опять за старое. Бросьте. Возвращайтесь. Богом прошу, а не то будет, как давеча.

Иван Алексеевич дёрнулся всем телом и быстро потащил Якова Владимировича в кусты. Они почти бежали от зелёного штакетника напрямую через кусты вглубь небольших строек, гаражей и дворов города.

Наконец Яков Владимирович Намедни не выдержал. Он встал.

– Всё, больше не могу. Сердце разорвётся.

Иван Алексеевич остановился. В глазах его было нескрываемое разочарование в слабости пенсионера, но он проглотил обиду на старого человека и сказал:

– Хорошо. У нас есть минут тридцать. Я думаю, мы чуть запутали следы. Пока меня найдут, я успею вам всё рассказать.

Он опять взял его за руку и затащил в узкую щель ветхого забора. За забором оказалась небольшая лужайка с битыми красными кирпичами и фундамент чьего-то тара-жа. Иван Алексеевич оторвал доску от фундамента и положил её на бетон.

– Садитесь, Яков. Так будет теплее.

Они сели, и рассказчик, оглядываясь по сторонам, зашептал на ухо Якову:

– Я бывший научный работник. Времени нет объяснять, где и чем я занимался. Начну с главного. Я разработал рецепт бессмертия. Всю свою жизнь я работал над этим. Вам понравились мои зубы. Это ерунда по сравнению с тем, что я могу сделать со старыми людьми. У меня в руках бомба. Сенсация всех времён и народов. Бессмертие – вовсе не безнадёжная мечта человечества, как кажется некоторым. Много лет, днём и ночью я искал выход в научных лабиринтах. Всё, что пишут об омоложении, всё это ерунда. Не верьте – это шарлатаны. Я пробовал всё. Ни один из известных способов омоложения не даёт сколь-нибудь устойчивого результата. Я же разработал рецепт и опробовал его на мышках. Мышки в пересчёте на человеческий срок живут практически 500 лет. Согласитесь, это вселяет надежду на то, что и человек может жить лет двести. Притом, не боля. Микробы, эти проклятые агенты смерти, останутся на бобах. Каково? А? Ха-ха. Каково? Двести лет без хвори. Сплошной позитив. А, может быть, и триста, пятьсот, а там и тысячу лет...а? Каково? А-а?

Яков Владимирович испугался. Глаза Ивана горели, как у сумасшедшего. Руки тряслись от сильного волнения. Он перешёл на прерывистую речь и, казалось, вот-вот потеряет сознание. «Да он, кажется, сумасшедший», – подумал Яков Владимирович и сам испугался. Он задумался о том, как потихоньку улизнуть, но Иван взял себя в руки. Приступ безудержного веселья так же быстро отступил, как и начался.

– Всё в порядке, Яков. Я не болен. Это наши врачи считают, что я сумасшедший, а я здоровее всех здоровых. Сложность только в одном. Препарат не прошёл апробации на людях. Клинических испытаний – ноль. Понимаете, Яков, – НОЛЬ. Наука не терпит непрофессионализма. Нужны годы работы, экспериментов и прочее, и прочее, и прочее. Говорить и пугать вас не стану. Я специально внедрился в дом старости. Для того, чтобы предложить этим развалинам восстановить былую молодость. Мой препарат при недельном приёме гарантирует омоложение физическое. Семь таблеток – и тридцать лет долой, а, может, и пятьдесят, а, может, и сто. Вот так-то, Яков. Нет клинических испытаний. Вот беда.

Он опустил голову и горестно вздохнул.

– Я надеялся, – продолжал тихо Иван Алексеевич, – что старые люди, одной ногой стоящие в могиле, брошенные родными и близкими, презираемые в обществе, с удовольствием решатся на риск. Да, последствия могут быть непредсказуемыми, но игра стоит свеч. Всё одно умирать буквально завтра, так не лучше ли своей оставшейся жизнью пожертвовать ради бессмертия детей и внуков. Не понимаю..., но все, кому я предлагал таблетки, отказались. Причём в циничной форме. Каждый из них посчитал своим долгом обвинить меня в сумасшествии... Дошло до руководства, ко мне, здоровому человеку, приставили охранника. Это он призывал меня вернуться. Но в тайне я всё же надеюсь найти человека, который решится на эксперимент...

– А почему вы сами..., – Яков Владимирович еле дождался, когда Иван переведёт дух, – почему бы вам самим не проглотить семь таблеток и, – пожалуйста, исследуйте? Сколько примеров в истории, когда врачи-учёные специально вкалывали себе заразу, чтобы проверить лекарства. Рискаю, между прочим, своей жизнью. А у вас так просто: умри, всё равно сдохнешь. А вот и нет. Каждый вздох дорог, и, чем старше я становлюсь, тем он более ценен. Каждая травинка, секунда, час, ночь, солнце. До последнего вздоха я готов держаться за жизнь, а вы говорите: иди, прими таблетки и, если не получится, то сдохни. Ради каких-то там мифических поколений. Да вон, говорят, скоро комета прилетит. Шварк! И всё кончится. Никого и ничего. Вечная зима. А люди, они ходят дышать. Жить.

– И вы туда же, – лицо Ивана перекошилось от разочарования. – Посмотрите на себя. Вы труп. Это я вам как врач говорю. С таким цветом лица живут максимум неделю. Не-де-лю. Вы понимаете? Я же предлагаю ещё пятьдесят, сто, а, может, и больше лет активной жизни, полной красок и эмоций. Мыши, которые были на пороге смерти, после нескольких доз препарата принимались плодить себе подобных. У них возродились репродуктивные функции. Вы себе представляете? – Они плодятся!.. Хотя должны были подохнуть... Вы представляете? Сенсация! Бомба! Это ли не доказательство эффективности препарата?!

Представьте себе такую картину: вы проходите курс лечения и ваш биологический возраст уменьшается, допустим, до тридцати лет. Вы вновь молоды и энергичны. Живёте себе в удовольствие до шестидесяти лет. Потом опять: бац, курс лечения, – и вам снова тридцать. Вы понимаете? Это же бессмертие. Главное – под машину не попасть, а в остальном – рай вечной жизни. Веч-ной! Каждый раз, достигая преклонного возраста, вы можете возвращать себя, свой организм на десятки лет назад. Представляете? Де-сят-ки лет на-зад!

За забором послышались взволнованные голоса. Старики переглянулись.

– Это за мной, – тихо прошептал Иван.

– Скорее всего, – ответил Яков.

– Возьмите препарат, – ещё тише сказал Иван. – Если меня обыщут, они его выкинут. Приходится рисковать, отдавая плоды трудов всей моей жизни. Всей жизни. Возьмите.

Видя, что старик колеблется, Иван выдал последний аргумент:

– Чего выкобениваешься, старый? Ты не пахал, не сеял, не растил, не нянчил. Как грибок, пришёл в лес за готовым. Так и не размышляй. Все мы там будем. Ни один человек не стал ровень с Богом, а у тебя шанс. Один на миллиард. Не трусь, бери. Бегут за мной, сволочи, отнимут, спустят чудо моё чудесное в унитаз, а не то курица какая клюёт. Тебе выпала историческая миссия стать первопроходцем в вопросе бессмертия.

– Страшно как-то, – промычал потрясённый Яков Владимирович Намедни.

Он хотел было сказать Ивану, что не заслужил такой чести, что его жизнь – сплошное разочарование, и вряд ли бы он хотел повторить её вновь, но...

Не принимая возражений, Иван сунул в руку растерявшегося Якова пластиковый пузырёк. Голоса приближались. Старик вскочил и с неожиданной для его лет резвостью прошмыгнул в щель забора, оставив Якова Владимировича сидеть на доске с пластиковым пузырьком в руке. Крик за забором усилился, а потом утих. Над поляной нависла зловещая тишина. Яков

Владимирович сунул пузырёк в карман костюма и осторожно выбрался из-за забора. Светило солнце. Хотелось жить и дышать. Ладонь, в которой он держал пузырёк, вспотела.

Далее полагается ставить многоточие. Никто бы никогда и не узнал этой истории про обыкновенного старика Якова Владимировича Намедни, если бы не случай.

В Подмоскowie, на свалке, нашли гору мешков с письмами трудящихся к главе нашего государства. То ли это были глупые письма, которые не нуждались в ответах столь значимого для страны человека, то ли их было так много, что и хранить-то было негде, не знаю. Какой-то чиновник, который по долгу службы сильно заботился о народе, распорядился выбросить письма со стенаниями простых граждан на свалку. Приказ выполнили немедленно. Однако времена ныне не те. Видимо, не сожгли эти письма те, кому было приказано, и опять неясно – то ли специально, то ли, как всегда в России. Чиновники не очень-то спешат пунктуально выполнять приказы начальства. Приказов много, а исполнителей мало, вот и осталась лежать гора мешков с конвертами. Случайно некоторые из тех, кто копается в мусоре, то есть пенсионеры с высшим образованием, в основном учителя, позвонили в редакцию одной центральной газеты. Разразился скандал, но его быстро замяли, чтобы, не дай Бог, не пострадал имидж вождя великой державы. Однако часть писем была сохранена неизвестным бомжом. Он и передал в надёжные руки часть материалов, среди которых был дневник Якова Владимировича Намедни. Судя по всему, не выдержал пенсионер, прошёл курс омоложения своего организма, выпил таблетки из пластикового пузырька. Свои ощущения он, как мог, описал в дневнике, который вёл на всём протяжении волшебного лечения. На этом я как соавтор рассказа ставлю точку и отдаю на суд читателя дневник пенсионера, которому так и не повезло в жизни. «Проклятая гадалка, проклятая страна, проклятое будущее и настоящее», – вот заключительные строки дневника, которые я перенёс в его начало.

1 сентября

Утром проснулся, пошёл в туалет, а эта драная кошка врезала в двери кухни и ванной замки. Это уже ни в какие ворота не лезет. Стерва хочет, чтобы я умер. Сунул руки в карман куртки, а там вчерашний пузырёк. Вот беда. Не знаю, что делать. Может, действительно пришла пора? Гадалка нагадала – 80 лет, если отбросить всю злость на неё, то, чего греха таить, – помогла она мне.

Восемьдесят первый год пошёл, а я жив. Однако... прав этот сумасшедший Иван. Долго не протяну. Может быть, рискнуть? Чем чёрт не шутит, когда Бог спит. Молодость вернуть не худо, но что с ней делать? Времена-то не те, не Совдепия, а свободная Россия. Не прожить, как раньше. Работы нет, денег нет, перспектив нет. Заводы позакрывали, распродали, сволочи, всё, что большевики построили, и живут себе на Канарах. Ой, не знаю. Ой, не знаю.

На старости лет решил вести дневник. Вдруг решусь на эксперимент? Этот Иван хотя и сумасшедший, но заинтересовал.

Может, зря я на него поклёп навожу, на Ивана-то, возможно, он и есть настоящий учёный. Другое дело, что сейчас он в доме престарелых, а с другой стороны – кому сейчас нужны учёные? Умные да молодые давно сбежали, уехали за границу, а удел тех бедолаг, что горбатились на страну и тянули её в космос, понятен – в дом старости или на помойку, а не то в могилу. А Иван, возможно, из тех настоящих коммунистов, которых выкосила новая Россия за ненадобностью. Разработал человек новое лекарство, а внедрить не успел. Сенсация, говорит. Бомба!

Лекарство от старости. Хотя почему от старости? Лучше назвать его таблетками вечной молодости. Не верится, конечно. Бред, но вдруг...

Выбора нет, в квартире найду я свой конец. Совсем нет жизни, ни просвета, ни щелчка. Эта тварь меня замучает. Сдохну – она приватизирует квартиру и продаст её. Собака! Терпенья

нет. Что делать, не знаю. Сижу и плачу. Из чёрной кошки выкрасилась в рыжую, ходит и зубы мне показывает. Рыжая бестия приволокла кучу народа. Пьют и гуляют.

Завтра врежу себе замок. Боюсь, убьют и выволокут труп из квартиры в моём ковре да и бросят на свалку. С них станется. Ох, что с народом сделали. Из-за денег озверели все. Словно взбесились – ни совести, ни стыда. Одна страсть к наживе...

Без пяти минут двенадцать. Тихо. Вроде угомонились. Храпят. Кровать только подпрыгивает – эта рыжая кобылина, видно, мужика на себя затащила... Решился выпить одну таблетку. Будь что будет. Если пить, то сейчас. Сегодня по старому допетровскому стилю Новый год. Значит, с Новым годом! С новой жизнью. Будь что будет! Пан или пропал! Пропади оно всё пропадом! Маруська, вроде, кончила. Орёт, сволочь. Принимаю таблетку.

Без минуты полночь. Принял. Запил стаканом воды. Теперь спать... Пусть всё будет хорошо. Если Бог есть, то я ему сделал вызов, а если нет, – то на нет и суда нет.

2 сентября

Выспался как никогда. Ощущение усталости прошло. Настроение улучшилось. Даже если эти таблетки просто для настроения, то и это хорошо.

Квартира пустая. Эти твари ушли. Жрать не оставили. Выпил ещё таблетку. Буду пить каждый день.

3 сентября

Таблетки понравились. Самочувствие улучшилось. Вроде, помогает. Изменений больше не ощущаю. Третий день смотрю на себя в зеркало. Ну, и рожа. Бледный, как смерть. Ничего, всё обойдётся. Надо сходить к Ивану. Может, посоветует что. Да и рассказать о себе было бы неплохо. Пусть старик порадует. У него появился шанс для исследования человеческого организма. Пусть веселится и исследует.

4 сентября

Выпил ещё одну. Четвёртую. В память об Иване. Умер Иван. Или убили. Пришёл в дом престарелых, а они все на меня косятся. Молчат. Сказала одна бабёнка, что увезли гроб с покойным на городское кладбище. Могила общая номер девять тысяч семьдесят пять.

Надо съездить посмотреть, поклониться могилке. Настроение улучшается. Маруська заметила перемену. Косится, но молчит, переваривает моё улучшение здоровья, а то уже и гроб заказала. Сам слышал. Самый простой и дешёвый. Сволочь.

5 сентября

Ездил на могилку Ивана Алексеевича. Номер нашёл. Свежий холмик, но ни фамилии, ни имени нет. Жил человек – и нет человека. Вот как бывает. Не знаю – кто он и что он. Может, и не учёный вовсе, может, авантюрист, но моё самочувствие улучшилось, а это главное. А на его могилке даже фамилии нет, как у бродяги. Жил и не жил. Что оставил после себя? Пустота. Здесь пустота и там такая же пустота. Страшно. Таблетки вроде помогают. По крайней мере, пешком прошёл метров триста и не устал. Неделю назад дважды останавливался, пройдя меньшее расстояние. А в этот раз прошёлся от остановки маршрутки до могилы и не устал. Новое ощущение забытого старого.

6 сентября

Осталось два приёма. Проглотил предпоследнюю таблетку. Маруся в панике, косится на меня. Пройдоха. Обзванивает поликлиники, думает, я на лечение езжу, а я гуляю. Сегодня опять ездил на могилу Ивана Алексеевича. Только была одна могила, а сегодня пришёл – три новых холмика. И тоже с цифрами вместо фамилий. Мрёт народец. Ох, и мрёт. Если в день по три бродяги умирают, да хороших людей десяток, за год наберётся что-то около четырёх тысяч. Не многовато? Никогда не думал об этом. Населения вроде не убавляется, а кладбище растёт и растёт. Вроде народ собрался помирать весь. И молодые, и старые. На кладбищенских фотографиях – одна молодёжь. Куда мир катится? Ну, да как хотят. Своих проблем хватает. Маруся, дура, гроб не знает, куда девать. Привезли его и поставили у двери. Она, дура, весь вечер с ним носилась, не знала куда спрятать. Это мне пенсионер Вадик рассказал. В подвал унесла, сумасшедшая. Да я, может, её переживу, и гроб сгниёт. Так-то.

7 сентября

Выпил последнюю таблетку. Всё. Теперь всё в руках не знаю кого. То ли Бога, то ли дьявола. Надеюсь на лучшее. Хотя думки лезут в голову разные. Получил пенсию. Сходил на почту за ней сам. Хватит Марусяке жировать за мой счёт. Она в шоке, а я чуть под хмельком. Взял чекушку, зашёл в кафе (в первый раз за последний год), выпил сто граммов, остальное отдал бродяге на улице. Поел от души, набил голодное пузо и, радостный, под хмельком завалился к себе домой. А я ещё хотел уйти в дом старости. Чёрта с два! Я им устрою гулянки. Если что, завтра пойду, выпишу эту стерву. Найму адвоката и поставлю её на место. Не хватает ещё, чтобы она борзела.

Вышел из комнаты, тишина. На столе на кухне ужин. Самой нет. То-то же, ведьма поло-сатая. Рыжая драная кошка. Со мной не пошутить. Я сейчас в полном порядке. Если что, в отделение милиции пойду. Выведу эту стерву на чистую воду. Я всё-таки медаль имею «Ветеран тыла». Меня даже в школу приглашают в День Победы. Нет, всё-таки молодец Иван Алексеевич. Вечная ему память!

8 сентября

Жду новой жизни. Новых ощущений. Волнуюсь. Вечная жизнь такая штука... Волшебная штука. Очень даже. Как это будет, не знаю. Слушаю себя. Ничего. Вроде не происходит ничего. Самочувствие, конечно, не сравнить с тем, что было неделю назад, а больше нет ничего. Однако шустрый я парень. Всё хочу сразу. Надо будет со следующей пенсии выделить деньги на памятник. Сходить ещё раз в дом престарелых. Узнать фамилию, может, родственник кто остался. Неудобно. Мы же люди. Пусть стоит памятник, как у всех людей. Жалко его. Вроде, лет шестьдесят или семьдесят прожил. Что-то хотел, что-то делал, кого-то любил, с кем-то дружил. Неужели не осталось ничего, кроме таблички с номером? Нет, надо помочь покойному. На днях схожу.

Весь в ожидании чуда. Маруся, собака, улынулась. Я скорчил рожу. Обиделась. Поделом. Выселю её. Вот с этого и начну новую неделю. А сейчас спать. Первый день бессмертия прошёл спокойно. Не умер. Жив. И это главное.

9 сентября

Второй день без таблеток. Настроение весёлое. Петь хочется и плясать. Внутри словно моторчик поставили. Во всех органах небывалый зуд. Всё шевелится. Неужели Иван Алексеевич и впрямь изобрёл эликсир жизни? Посмотрел на себя в зеркало и понял, почему Маруся косится на меня. Во-первых, исчезла бледность лица. На лбу было восемь морщин. Три глубоких, пять мелких. Так вот – остались только глубокие морщины. На щеках пробивается чуть заметный румянец. Лиха беда начало. Во-вторых, руки. Кожа на руках была дряблая, вся в каких-то квадратиках, сейчас же нет, подтянулась. Пальцы на руках приобрели естественный вид, а то были словно крючья. А теперь пальцы как пальцы. Надо писать дневник каждый день. Умер Иван Алексеевич, а дело его живёт. Вот оно. Результат налицо. Весь вечер щупал руки, ноги и лицо. Теперь буду описывать каждый орган. Для науки. Я первопроходец, а первопроходцам всегда тяжело. В животе и то урчит. Надо бы сходить в поликлинику. Пусть осмотрят. Кто я такой? Простой работяга. Вся жизнь на производстве. Правда, слесарь шестого разряда, да только к медицинской науке эта профессия имеет далёкое отношение. Эх, пойти бы в Академию наук, чтобы наблюдали. Вдруг осложнения какие начнутся – беда. Завтра же и пойду.

10 сентября

Сходил в поликлинику. Словесного говна поел. Подняли на смех. Один толстяк в белом халате так просто выпрыгивал из халата от смеха. Смеются, гады. Ещё врачи! Ещё, говорят, клятву Гиппократу принимали. Хапуги! Пользуются тем, что я пенсионер. Всё деньги выжимают. Самим-то платят с гульки хрен. Так как узнал, что у меня пенсия ветерана тыла, так аж глаза загорелись. Вот пошла жизнь. Бывало раньше в поликлинике к ветеранам... да с распростёртыми объятиями.

Маруся исчезла. Куда запропастилась – одному чёрту известно. Второй день нет. Даже скучно. Хотел с нею в дурачка сыграть. Исчезла, словно испарилась. И ничего, зараза, не сказала.

Придётся искать врача. Платного. Деньжата есть. Откопаю свой НЗ, на даче в сараюшке спрятал. Однако нужен врач. Голова болела весь день. Мочился какой-то тёмножёлтой гадостью. Мочевой пузырь давит, а выходит капля. Режет, словно ножичком. Нет, эксперимент есть эксперимент. Кто его знает, чем кончится. Однако врач нужен. Завтра за деньгами в огород – и в платную клинику. Читал в газете рекламу: «Клиника определяет биологический возраст мужчины и женщины. Даёт рекомендации». Вот и славно, это в самый раз. Может, и мужик какой толковый попадётся. Всё-таки клиника платная. Хотя о чём это я? Везде одно и то же. Что за деньги, что без денег. В одном случае матом пошлют, а в другом улыбнутся, зубы покалят, а результат такой же. С матом хотя бы экономия.

12 сентября

Невмоготу. Весь день лежал. В спину стреляет, в голове гул стоит. Что-то плохо мне. Маруся до сих пор не появлялась. И куда баба пропала? Лежу и с жизнью прощаюсь. Стоило за деньгами в огород съездить – и свалился без ног. Автобусы не ходят. Маршрутки тоже. Дорога вся разбита. Почти километр шёл пешком. Кругом разруха. Дачи грабят и жгут. Алкаши и тунеядцы всех мастей снимают с бесхозных дач всё, что можно оторвать и унести. И главное – не жалеют ничего. Если залезли в домик, то цветы на пол, старый телевизор в хлам, стулья сломать, стекло выбить. Ну, что за народ! Укради ты красиво. Возьми, что надо,

а то ведь до чего дошли: моду взяли – по большому ходить в главной комнате. Наложат кучу и бумажки кругом разбросают, которыми свою задницу вытирали. Ох, и голова болит. И тошнит что-то. Завтра, как есть, пойду или «скорую» вызывать, или гроб из подвала выносить. То-то Маруся-сука рада будет.

Домик весь разнесли. Садоводческое товарищество дышит на ладан. Сегодня только двенадцатое сентября, а огородники урожай весь сняли. Знамо дело, бояться. Не увезёшь домой урожай, за тебя это сделают другие.

Дачная улица словно вымерла. Это в разгар бабьего лета! Ну, ничего, Бог с ними, с дачниками. Я-то знал, чем вся эта перестройка кончится. Предчувствовал, что рынок, который нам обещали, быстро превратится в бардак. Смотри, всё растащили. Мне-то что? Не жалко. Оставлять всё равно некому. Ломит тело, ломит. Спасу нет. Закопал свои деньжата в стеклянной банке на огороде. Грабители ищут в доме, пусть ищут. Оголтетье. Скоро кирпичи таскать начнут. У меня-то что, у меня не домик – сарай. Дождь переждать – и ладно, а у народа дома были хороши. Соревновались между собой, у кого круче. Дураки. В нашей стране частная собственность обречена. Это я ещё с юности усвоил. Поэтому и не тратился понапрасну. Всё за счёт государства. Я свои честно заработанные деньги всю жизнь тратил только на себя. Хорошо питался, вкусно выпивал. Получается, вкладывал деньги не в Сбербанк, а в своё здоровье. Вот и молодец. Выиграл. Хоть здесь надурил родное государство. Оно думает: я дурак, а я – умный. Всё считаю. Я и в «МММ» вложить успел, и забрать смог. Не жадный. От того и удача. А те, кто слюни распускал от жадности, ожидая двухсот процентов прибыли, до сих пор локти кусают.

Ох, и больно мне, ох, и тяжело мне. Где же эта хвостатая бегаёт? Может, помогла бы чем...

13 сентября

Был у врача. Не зря ходил. Утром стало полегче. Отпустило. Просветлела голова. Ноги пошли бойко. Настроение поднялось. Врач осмотрел. Подключил какие-то датчики (как он сказал: «Снял импульсы с важных жизненных органов») и выдал мне результат. Содрал правда, прилично, но дело не в деньгах. Сказал: «Вы, дедушка, на свои восемьдесят один не тянете. Лет на семьдесят», но вижу по глазам: врёт. Дурак я. Рассказал ему об эксперименте, не поверил. Посмеялся, но вежливо, не как та сволочь толстохаря в халате. Предложил ходить к нему хоть каждый день. Главное – не нашёл никаких отклонений. Если заплачу (взятку, конечно), то он меня обещал положить на томограф. Врачи знают, что это такое, мне трудно объяснить. Долго мне рассказывал он об этом чудо-аппарате. Руку поглаживает. Очень обходительный врач. Очень. Томограф для меня бесплатно, но очередь среди ветеранов большая. Вот и надо кое-кому денег дать. Чтобы вроде без очереди попасть на него. Вещь хорошая. Надо посмотреть, но вот что удивительно – говорит: «Сердце у вас и внутренности невероятно сохранились. Потенциал большой. Редко такое бывает». Говорит: «Жить вам, дедушка, до ста лет». Ха-ха. А гадалка говорила – 80. Вот оно теперь как. Сто лет дедушка может прожить. Ну, и Иван свет Алексеевич удружил, дал радости на конец жизни, а ведь думал – помру. Думал, отдам Богу душу. Ей-ей, отдам. Ан, нет. Сто лет – это совсем неплохо. Хороший врач. На томограф схожу. Оплачу. Ради науки. Что ж теперь сделаешь, если не верят. Говорить больше никому не буду. Смеются. За дурачка принимают, а Яков Владимирович Намедни никогда в дураках не ходил и ходить не будет. Так-то.

Решил раз в месяц ходить к этому парню. Володей, вроде, звать. Обходительный молодой врач. Дороговато, но ради науки. Может, потом, когда дойдёт до нашего дурного государства, что оно теряет, может, возместит расходы. Хотя вряд ли дождёшься от них. Сколько лет пропахал на государство, а толку? Если нет родных и близких, то никакому государству ты не нужен. Отброс общества. В пенсионном фонде смотрят, как на зверя. В каждом взгляде укор – что прожил двадцать один год после пенсии. Им надо, чтобы ты умер в пятьдесят девять

лет одиннадцать месяцев и двадцать девять дней. Вот тогда радость на лицах и аплодисменты. Одиночество – вот что плохо. Маруська так и не появилась. Готовит что-то, зараза. Не верю я ей. Не к добру.

20 сентября

Всю неделю хворал. Из квартиры не выходил. Разве что в обед, солнышко пригреет осеннее, вот и иду подышать на лавочку возле подъезда. Сяду на солнышке и сижу, внутрь себя смотрю. Что-то меняется в моих внутренностях. Соседи тоже замечают. Говорят: «Молодешь, дяденька». Молодеть-то молодею, но тяжко. На душе кошки скребут. Отчего, не знаю. Тоска. Такая тоска подступила – не рассказать. Хоть реви белугой, хоть плачь. Может, в церковь сходить? Поделиться с Богом своими горестями? Так ведь не примет Бог-то. Столько лет не верил – и вдруг проникся. Болит всё. Пятна по пузу пошли. Большие, тёмные, вроде, как синие. Доковылял до платного врача Володи. Щупал-щупал, смотрел-смотрел, чуть не скоблил кожу ножичком. Не знаю, говорит, что и сказать. Науке это образование пигментного пятна не известно. Обещал научную литературу почитать. Деньги содрал, конечно, сволочь, но парень хороший. Спросил, не беспокоит ли. Говорю, нет. Пятно и пятно. Одно, другое, третье, не горит, не ноет, не чешется. Что за выделения, почему цвет такой необычный? Ничего не сказал. Сам не знает – по глазам видно.

Из поликлиники приехал на маршрутке. Колени не шевелятся ни туды, ни сюды. Хоть тресни. Еле доковылял до дивана. С тех пор и лежу. Всё болит и шевелится, колет и ноет. Что такое дал этот Ивашка, вдовый сын? Подсунул какую-то гадость. Зачем съел? Умер бы давно – и дело с концом. Вон и гроб в подвале гниёт. А так бы вместе гнили. В сырой земле. Что-то я ною. Это всё для науки. Для будущего поколения. Пусть знает, как достаётся бессмертие. Для наших стариков сто лет – это фантастика, вот бы дожить бодрячком, а потом и умереть не жалко. Раз – и в квас. Сто лет дело хорошее, но уж больно мне как!

Маруська объявилась. Увидела меня страдающего и глаза-то у неё загорелись от радости. Подумала: всё, издыхаю я. В деревню ездила. Картошку родне собирать помогала. Привезла самогону литров семь. Вот гульба начнётся. Ласковая. Может, говорит, врача вызвать? А сама доволь-нёханькая. Аж противно. Ну вот, как после этого жить? Все хотят моей смерти. Кости ломит, пятна всё крупнее. Синие стали – как тучи грозовые с каким-то отливом. Ничего не стал рассказывать Маруське. Выписывать её надо. Только встану на ноги, так и займусь. Пойду в ЖЭК, выпишу её к чёртовой матери. Улыбается. Небось, в подвал сбегала. На гроб посмотрела, цел ли ещё, не сгрызли ли крысы. Да цел, цел. Сам проверял на всякий случай. Такая дрянь – не гроб, а одни убытки. В таких гробах бомжей хоронят. Под материей доски с обзолом. Это разве дело? Самую гниль подсунули. Маруська квартиру хочет хапнуть, а на гроб денег ей жалко. Вот бабы пошли. Никакой совести. Хотя какая разница, в чём лежать? Мне будет всё равно. Жизнь прошла. Чем заслужил я такой конец? Зачем судьбе меня обнадеживать? Ну, умер бы, как гадалка сказала, в 80 лет. И концы в гроб. Так нет, посмеялась надо мной судьба-злодейка, Ивана подсунула с его таблетками проклятыми. Живучий. Запах – ужас. Кал чёрный. Чего там внутри случилось? Словно одна грязь была всю жизнь. Лопатой скреби – не выскребешь. На унитаза сижу по полдня. Вонь такая, что спасу нет. Не помогает дезодорант, что Маруська приволокла. Хорошо хоть замок сняли, а то бы на балкон в ведро ходить пришлось бы. Ох, жизнь, нас плющат, а нам некого. Так и умереть недолго. Жаль. Только жить начал. Только радость жизни понял и осознал. Свечку поставить надо. Может, поможет?

1 октября

Словно током ударило. Лежу утром, а оно как тряханёт. Словно во мне живое что-то. Все мышцы задрожали. И такая слабость по всему телу пошла, но после этой слабости рот открыл, как-то даже вроде сам, а фактически челюсти разомкнулись, язык вылез наружу, а лёгкие сделали полный вдох. Да так, что чуть глаза не лопнули. После такого вздоха думал: всё – кранты. Ан, нет. Приятно стало. Свежо во рту. И сила будто бы прибыла. Во все органы. Встал и давай ходить по квартире, почти бегом. Из души крик рвётся. Хорошо-то как. Блаженство невиданное. Вот это да, табле-точки покойного Ивана Алексеевича дают копоты. Хохотал, скакал на одной ноге. Хорошо ещё Маруськи не было, неделю как гуляет где-то. Решила меня измором взять. Видит, я вставать перестал, так и она, лярва, сбежала. А чего ей? Она прописана, а воды подать старику её никто не обязывает. Думает, один сдохну быстрее. И, вправду, чуть не умер, но чуть-чуть не считается. Не умер. Здоров. Сердце стучит, как положено. Ровно, сильно – одно удовольствие.

5 октября

Радость-то какая! Сажу и плачу. Ходил к доктору Володе. Говорит: «Удивительно, но ваш организм выдаёт результаты намного лучше прежних». Говорит: «Смело себе рисуйте в биологическом паспорте шестьдесят лет». Врёт, конечно. Шестьдесят не шестьдесят, но лет шестьдесят пять есть. Ощущаю прилив сил. Именно в 65 мне было так легко. Всё удивлялся: отчего не старею? Вот это ощущение и сейчас у меня.

Разобрался с Маруськой. Пришла, кобыла. Встала в дверях и чуть не упала в обморок. Живой я стою. Да ещё румяный. Всё ей высказал. Сказал, что я бессмертный, что пусть свой гроб забирает из подвала или сама в него ложится. Что выпишу её из квартиры завтра же, потому что сволочь она ещё та. Хотела квартиру прибрать и меня на кладбище в старом гробу из обзолных досок в могилу бросить. Одним словом, всё, что о ней думал, всё выложил. Вот смеху было. Она глаза вытаращила. Как глянет на меня – и бегом из квартиры. Крикнул ей вслед, чтобы забрала вещи. Нет, коза, убежала так, визжа от потрясения.

Здорово-то как! Осень. Погода хотя и промозглая, а на душе свет и тепло. Как здорово быть здоровым! Дай Бог всего Ивану Алексеевичу. Зря я его ругал. Он молодец. Мог таблетки и другому отдать, а он мне отдал. Почуял, что я для науки самый годный. А что? Столько лет не пил и не курил – зря что ли. Ребята в цеху всё смеялись: «Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким умрёт». Вот и хорошо. От бригады давно уже никого не осталось. А были и молодые ребята. На пенсию меня провожали, им было младшему – 30, а старшему лет 50. Никого в живых нет. Вот тебе и «помирать здоровеньким». Я-то жив, а им не до смеха. Все в гробу лежат. Сгнили, наверняка. Нет, я, видимо, и жил только для этой минуты. Чтобы выдающийся учёный подарил мне новую необычную жизнь. Молодею на глазах. Этак, таким темпом я себя на пятьдесят лет омоложу. Вот тогда и посмеёмся.

1 ноября

Решил в пенсионный фонд больше не ходить. Пусть деньги переводят на сберкнижку. Оформлю себе пластиковую банковскую карточку. А к ним больше ни ногой. Полчаса пытали мою фамилию. По паспорту сверялись. Говорят: «Не верим. Это не Яков Владимирович Намедни. Это кто-то другой. Больно молод». Что есть, то есть. Сдуру трепанул, что работаю над омолаживающей диетой. Сказал и пожалел. Видя результат моей диеты на лице, они меня чуть

не съели. Вот бабы. Жрать надо меньше. Пришлось их осекать, а как осекать, я знаю. Сказал так, что перво-наперво надо бросить курить, потом перестать водку жрать стаканами, обжираться мясом да пирогами. От такой диеты бабоньки погрузнели и оставили меня в покое. Не хотят лишать себя удовольствия, а жить долго хотят и выглядеть, как я, хотят. А сколько-нибудь сделать для этого, так нет. Не дождёшься. Всё им на халяву подавай. Жрали бы, пили и хорошо жили. Ишь, чего хотят! У меня наставник был в войну, так он говаривал так: «Не получится и жрать сладко, и срать гладко. Что-нибудь выбирай одно». Ну, да это всё ерунда. Больше не пойду. Деньги перешлют – и того довольно. Волнует другое: Володя-врач заявил, открыв от изумления глаза, что мой организм приобрёл ещё ресурсов, и биологический паспорт требует корректировки. Говорит: «Аппаратура не должна барахлить, но, по её данным, мой биологический возраст равен 50 годам. Я и сам замечаю, что что-то не то со мною происходит. Началось всё с того, что ночью проснулся в поту. Приснилась Маруся. Раздета догола, титьки до пояса, задница розовая. Я её схватил – и давай тискать. Да так хорошо мне стало, аж сперма фонтаном. Очнулся, все тусы в сперме. «Не может быть», – себе говорю. Это я уже забыл, когда хотел. Когда стоял мой детородный орган. Как жена умерла, так, вообще, забыл про него. Доставал только слить мочу, да и то перед этим долго искал-шарился, а тут – этакий здоровяк в штанах колом стоит! Вот это Иван Алексеевич. Вот он гений. Надо же, член стоит, как часовой у Мавзолея. С одной стороны радостно: опять вернулась мужская сила, а с другой стороны страшно. Это что ж, жизнь начинать с нуля? Пенсию отнимут, как пить дать. Соседи косятся. Ещё немного – и призовут милицию. Скажут: «В квартире кто-то живёт, отдалённо напоминающий старика Якова, но не более того». Кому объяснишь, что таблетки принял. Засмеют. Посадят в дурдом, и будешь там сидеть до смерти. Квартиру надо менять. Придётся поговорить с Маруськой. Уломать, чтобы разрешила пожить в её однушке. Хотя бы первое время. Посмотреть, что будет дальше. Как странно. Совсем недавно её выгнать хотел, ходил по всем инстанциям. Да что толку! Чиновники с нею заодно. Видимо, всем дали в лапу. Что участковый, что мастер в ЖЭКе, что прокурор. Улыбаются, головой кивают, руки разводят. Это, брат, банда. Попал в такие лапы пенсионер – пиши пропало. Видимо, государство родное хочет, чтобы пенсионеров истребляли такие, как Маруся. Эти загонят в гроб с гарантией. На сто процентов. От меня какая польза? А от неё! Ого-го. Всем даст на лапу. Отгуляют. Продадут. Разбогатеют на одну квартиру, а человека нет. И власть на её стороне и вокруг всякая мразь вертится. Сколько нас по городу, по области, по стране – пенсионеров-одиночек! Хотя чего это я? Я уже не пенсионер. Раз член стоит, то какой же я пенсионер. Я теперь жених что надо. Женюсь, подберу себе молодуху, она Маруську вмиг сожрёт. Лучше доверить это дело бабе. Самому не справиться, а молодуха её за патлы – да за дверь. Всех делов. Пока, правда, придётся переехать к ней. Может, уговорю.

1 декабря

Много времени утекло. Месяц. Событий накопилось множество, а писать не хочется. От Марушки я ушёл. Старая. Поначалу она была в шоке, но шок у неё прошёл, когда я её загнул буквой «зю» и сделал то, что любил в молодости. Кувыркался с нею всю ночь. Она от такого восторга всё перепутала. Меня не узнаёт и говорит, что я сын Якова. Яков, сволочь, обманул её, что одинокий. Теперь она видит, что у Якова есть сын. Да такой красавец. Ещё бы. В зеркало глянь – и оторопь берёт. Сорокалетний мужик – не старше! – смотрит на меня и лыбится.

Сходил к врачу. Сел в кресло напротив, а парень глаза сделал, как чайные блюдца, и рот открыл, словно марсианина увидел. Говорит: «Вы сын Якова Владимировича?» Пришлось сказать, что да. Сын. Старший. Приехал погостить, а заодно и проверить свой биологический паспорт. Еле успокоил парня. Нахвалил его. С три короба наговорил и успокоил. Иначе быть беде. Приборы выдали сенсацию. Мне максимум 40 лет. Вот это и потрясло. Вышел я из поли-

клиники, сел на ледяную скамейку, а холода не чую. Догадка поразила меня. Как я раньше-то не допетрил? Каждый месяц мой возраст убавляется на 10–12 лет. Таким темпом я через год превращусь в грудного ребёнка. Но этого не может быть, а оно есть. Зеркало не обманешь, приборы тоже. Соседей и врачей можно обмануть. Сказать, что сын, поверят. Самому-то как жить после этого? Получается, мне и жить-то осталось совсем немного. Пришлось вспомнить молодость. Детский дом и себя в нём. Так вот, первые воспоминания, это когда мне было 5 лет. Хорошо помню: дали конфету шоколадную. Весь измазался. Растаяла она. Тепло так было. Значит, если я буду молодеть так быстро, то и рост мой уменьшится. Не может быть! Такого в природе не существует. К старости человек уменьшается в росте, но этому есть объяснение. Читал в журнале «Здоровье», что ссыхаются межпозвоночные то ли хрящи, то ли диски, и человек уменьшается в росте, но чтобы до пелёнок. Не может быть...

Молодею, а радости нет. Проклятый Иван! Старый чёрт. Придумать такие таблетки и не подумать о тормозах. Сказал бы: прими одну таблетку или хотя бы три. Так ведь нет, сказал: прими все семь. Теперь качусь по наклонной и не знаю, когда остановлюсь. Может, в храм сходить, Богу помолиться? Попросить его остановить омоложение? Затормозить. Сорок лет – это самое то. В сорок лет я был орёл. Все трудности по боку. Бригада гремела по Союзу. Президиум, депутаты, первые секретари КПСС. Машина к подъезду. Новая квартира. Вот были времена. Жена молодая, красивая. Денег не считал. Зарабатывал хорошо плюс премия каждый месяц. Теперь об этом только мечтать приходится. Тело поёт. Жить хочется. Творить. К тискаам, в цех, к ребятам. Руки горят по работе. Но куда пойдёшь? Паспорт менять – кто поймёт? Сказать, что потерял, и получить новый, – не получится. Если я Яков Владимирович Намедни, то мне 81 год. Если сын, то где метрика? Неужели придётся документы подделывать? А Маруся дура. Только одно на уме – деньги. Для неё всё остальное пустяк. Правильно. Её песня спета. Что взять с бабы в пятьдесят с гаком лет? Она уже почти старуха. Тело дряблкое. Груды нет. Одни воспоминания. Надо искать молодую, стройную, красивую.

Попробовал вызвать проститутку. Ночью пришёл к себе в квартиру, позвонил. Приехала такая краля. Давно так не наслаждался. Никаких денег не жалко.

Тоска. Начал курить. Кстати, помогает стресс снять. Что толку лишать себя удовольствия? Эксперимент не удался. Всё равно молодею на глазах. На щеках румянец – кури не кури. Пить тоже можно, пока в ребёнка не превратился. Зачем я только встретил этого пройдоху Ивана Алексеевича? Лучше бы он помер раньше, чем я его нашёл. Теперь поздно.

Продал квартиру. Переехал в другой дом. Продал с выгодой. Взял себе «двушку». Денег хватит. Погулять хочется. Ничего ни поделывать: молодею – и всё тут. Хоть месяц да мой. Жить так жить, на всю катушку. Ходил в бар, классно. Кругом молодёжь. Говорят непривычно, не по-нашему. Постепенно привыкаю.

20 января

Еле очухался. Гулял неделю. Денег больше нет. Привязалась ко мне одна молодуха. Спасу нет. Жадная до всего: и до секса, и до денег. Купил DVD, телевизор новый, компьютер. Научился играть в компьютерные игры. Увлекательная вещь, я вам скажу.

Одна радость: пью, курю, играю на компьютере да сплю с девчатами. Продал квартиру. Завтра переберусь в однокомнатную. Молодею на глазах. Новые соседи косятся. Больше тридцати лет мне не дашь. Нашёл другого врача. Проверил свой биологический возраст. Одурел: 25–28 лет. Катастрофа. То-то я чувствую: горы могу свернуть. Особенно когда пьяный. Рубаху рву, пуговицы трещат. Как напьюсь, так плачу. Молодухи не понимают меня. Они растут, у них всё внове. Молодость, зрелость, старость. Всё впереди непознанное, а у меня всё позади. Я всё это уже проходил. С 1926 года рождения. Начинаю заговариваться, окружающая молодёжь крутит пальцем у виска. Ещё бы! Как им понять, что я, молодой парень, стоял за станком

во время войны сутками, точил снаряды для фронта. Как им объяснить, что такое рабочие пайки хлеба? Они не знают, когда началась война. Знают про 9 мая – и всё. И то, если бы ленточки гвардейские не раздавали бесплатно, наверняка, и девятое мая для них было бы простым выходным. А праздник? Это же не их праздник. Им всё по фигу. Тусуются, пьют, гуляют, о будущем не думают. Кто водку жрёт, кто пиво, а кто и колется. Я в своё время даже не слышал о героине. А сейчас мальчишка в 12 лет уже наркоман. В 13 лет девчонки – алкоголички. Бери пива и снимай малолетку. Только с нею не интересно. Напьётся и лежит бревном. Кайф для себя, а не для меня. Тупик. Нет вокруг ни совести, ни чести. Все гонятся за деньгами. Зашёл разговор о Родине, так меня на смех подняли. Говорят: «Давай бабло – всё, что хочешь, продадим и твою Родину тоже». Дал бы в морду, да боязно. Кто я такой, что спрашиваю с них по взрослому? На вид такой же отморозок. Джинсы купил, а мне ведь 81 год. Караул! Что делаю, куда качусь? Не знаю. Остановиться не могу. Хорошо быть молодым. К чёрту старческий маразм, усталость мышц от подъёма по лестнице на третий этаж. К чёрту поиски писюка утром в сортире. Да здравствует жизнь!

Ходил в зал игровых автоматов, выиграл десять тысяч. За один раз. Есть Бог. Решил он меня порадовать на прощанье. Всё-таки, как-никак, мне скоро превращаться в мальчугана. Пока пускают в казино – надо играть. Пока дают водку в магазине – надо пить. И так во всём. Скоро и член превратится в стручок. Вот тогда и конец. Тогда и не стоит жить. Труба.

10 марта

Решил продать квартиру. Теперь мне нет и двадцати. В доме житья не стало. Косятя. Два раза приходил участковый. Чего-то роет. Надо съезжать в частный домик. Присмотрел на днях на окраине. Стоит себе, маленький такой, с сарайчиком и небольшой баней. В самый раз. Проживу пару недель в нём и станет мне десять лет.

Прощай, жизнь! Как же ловко обманул меня Иван, проклятый учёный. Словно в сказке. Волшебное слово «Каша, варись» сказал, а как остановить это дело – нет. Если бы он дал мне два пузырька таблеток! Одни для омоложения, другие – для остановки омоложения. Вот тогда – привет Богу!.. Десятилетний мальчик. Ха-ха-ха – ужас! Это конец. Жизнь, прощай.

15 марта

Гульнул от души. Надолго запомню. Завтра переезжаю в домик на окраине города. Писать не хочу. Дневник сожгу. Всё равно никто не поверит. Будь проклят тот день, когда я встретил этого дьявола, а не человека – Ивана. Пусть он в гробу крутится, негодяй! Что со мною сделал – всё есть, а жизни нет. Молодость, остановись. Готов встать на колени. В церковь, что ли сходить, помолиться, свечку поставить, может быть, остановится процесс? Перестали расти усы и борода. Совсем как в юности. Бриться не надо. Лучше бы я умер. В том гробу из гнилых досок. Как там Маруська? Небось, по-прежнему ищет одиноких стариков и отнимает у них жилую площадь. Хотя какое мне дело до какой-то Маруски!

1 мая

Это ужас. Я сжимаюсь. Каждую ночь меня трясёт. Кожа словно стягивается. Я начал медленно терять в росте. Ещё неделю назад был метр семьдесят пять, сейчас метр шестьдесят. Сколько мне лет? Чёрт его знает. Не могу сказать. Молодой, худой парень с сигаретой во рту и глазами алкоголика. Но что я заметил: никотин и алкоголь, по-моему, ещё больше ускорили омоложение. По моему графику в годовалого ребёнка я должен был превратиться где-то к 1

сентября. Получается, я у себя украл 2 месяца. Где же мой лозунг: «Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким умрёт»? Чем занимался весь год? Ныл, гулял и пьянствовал. Всё пропил. Теперь и в банк с карточкой не пустят, придётся деньги снимать в банкомате. Сижусь и плачу.

1 июня

Еле вывожу буквы. Забыл, как писать. Читаю по слогам. Дневник оставляю вам, люди. Может, кому пригодится. Я свою жизнь прожил. Гадалка была права: 80 лет. Остальное – премия, которую я не использовал, арифметическая погрешность. Прощайте, люди. Запечатываю дневник и отправляю в Москву, в Кремль, Президенту. Пусть хотя бы узнают...

Дородная женщина шла в магазин. В её старинной плетёной кошёлке тихо побрякивал кошелек. Денег было немного, и поэтому она положила кошелек в сумку. Лёгкое летнее платье обтягивало тугое тело. Пот лился по лицу, стекал по спине и между грудей.

«Как в такую жару мужики ходят в штанах?» – подумала тётка и замерла от неожиданности. Здоровая дворняга лаяла на забор. Просто так на забор собаки не лают – это тётка знала по своему большому опыту. Она любила собак, так как детей у неё не было.

– Собака лает неспроста, – сказала она вслух и решительно шагнула к забору, разрезая плавкий воздух. Она отогнала бродячее животное от забора и закричала:

– Так и есть! Люди добрые, смотрите, что я нашла!

Под зелёным забором в траве, выгоревшей от солнца, лежал завёрнутый в простиранные пелёнки человек. Тётка подняла его на руки и радостно закричала:

– Мальчика, мальчика нашла!

Но никто на её крики не откликнулся и не высунул голову из окна. Жарко. Да и кому в сегодняшнее время нужны лишние заботы и хлопоты? Своих детей кормить нечем. Не то что чужих. Только собака недовольно твякнула два раза и побежала в сторону городской свалки.

Первой мыслью женщины было взять себе на воспитание этого малыша, но она быстро одумалась. Тётка осмотрела пелёнки, малыша и подумала, что не стоит брать неизвестно от кого родившегося мальчика. Может быть, родила его наркоманка или пьяница. Сейчас столько падших женщин рожают. Они, дурёхи, клюнули на призыв президента рожать в обмен на материнский капитал. Но государство не такое глупое, чтобы платить за детей наличными. Вот они рожают, да бросают.

«Может, отнести в детский дом? Он здесь неподалёку. Но там, я слышала, вообще детей не берут. Переполнен».

– Тогда зачем мне эта суета? – сказала тётка и положила пищущий комочек обратно под забор. Она поправила платье. Осмотрелась, не наблюдал ли кто за её действиями и, убедившись в этом, спокойно пошла дальше, покачивая крутыми бёдрами.

Интервью на разворот

– Андрюшенька! Андрюшенька! Выручай, дорогой. Помоги старику. Спаси от голодной смерти! Ты такой молодой! Талантливый! У тебя блестящее образование. За такими, как ты, будущее журналистики. Ну, что тебе стоит сгонять в деревушку и разобраться на месте? Написать большую статью. На разворот. Решить эту проблему раз и навсегда. Раньше это называлось «Журналистский рейд в глубинку»! А здесь? Какая глубинка, Андрюша? Золотой мой! Какая глубинка, всего тридцать километров от нашего районного центра и – привет горячий! Ты – на месте. Для тебя, орла степного, это пустяки. Я дам тебе наш «уазик» и Колю-шофёра дам! Бог – не шофёр. Чёрт практически. Пройдёт на своём танке, где хочешь. Лучший водитель района. Как мы с ним мотались по району до перестройки! Сказка! Песня! Опера! Произведение искусства! Тайна... Лучшего шофёра даю, «уазик» на ходу. Коля в порядке. Дел тебе – на одну секунду. Туда и обратно. Тридцать километров – пустяк по нынешним меркам. А я? Я старый! Андрюша! Я не выдержу дороги. Там ведь асфальт кончается. Трясёт. А у меня сердце! Мне нельзя перенапрягаться, и потом всё-таки я главный редактор «Сельской нови», а ты пока просто журналист. Это мой приказ. Собирайся, Андрюша, в командировку. Три дня у тебя есть...

Главный редактор, худенький пожилой человек с седой аккуратной бородкой и золотой оправой очков на кончике носа, устало вытер платком выступившую на лбу испарину и сел в кресло.

– Ну, что вы так, ей Богу, Аркадий Петрович! Я же не возражаю. В глубинку – так в глубинку. И «уазик» возьму, и Колю. Смогаюсь туда-обратно. Действительно, дел-то. Откуда такие тревоги? Дайте Коле денег на бензин, и я поехал.

Главный редактор газеты Аркадий Петрович был из журналистов старой закваски, того, советского времени. Любую проблему он принимал близко к сердцу и торопился её решить. Причем в кратчайшие сроки, то есть, немедленно. Как учила родная партия и любимое правительством. Ну, а быстро отчитаться о выполнении задания – так это вообще святое дело. Время изменилось, страна изменилась, поменялись отношения, а Аркадий Петрович – нет.

Андрюша не настаивал на этой формуле. Возможно, время и не изменилось. Возможно, изменились люди. По этому поводу он хотел было выдать шефу целую тираду, но не успел. Философские мысли едва начали своё привычное брожение в его молодой и весёлой голове, как Аркадий Петрович нарушил начавшийся процесс. Он вскочил с кресла и начал ходить по тесному кабинету районной редакции, чудом не налетая на углы письменных столов. От нахлынувшего волнения он вначале стал кусать кончики седых усов, а затем бледные губы.

– Понимаешь, Андрюша! Обидно. Какая-то сволочь строчит на меня пасквили, а он верит.

– Кто? – не понял Андрюша.

– Как кто? Первый! – редактор поднял палец, указывая на потолок. – Тьфу, ты! – поправился он, смешно осмотревшись по сторонам, словно нашкодивший школьник. Глаза под очками несколько раз моргнули, и главный редактор продолжил разговор, но уже в совсем ином тоне:

– Это я по старой привычке – «первый», – как бы извиняясь перед Андреем, тихо сказал он. – Андрюша! Раньше так называли первых секретарей райкома партии! За – ме – нательный был человек. Герой! Глыба. Чудесный человек. Мечта! А этого разве можно назвать «первым»? Собака он, а не глава районной администрации. Ты знаешь, Андрюша, как он меня сегодня обидел? Как обидел, Андрюша! Кровно обидел. Меня, интеллигента в третьем поколении. Меня, чей отец стоял у истоков советской журналистики. Он, как варвар, как садист, просто пнул ногой вот сюда.

Аркадий Петрович показал пальцем на свой худой зад и остановился перед Андрюшей. Он так печально посмотрел ему в глаза, что показалось, ещё секунда – и он заплачет. Лицо главного редактора скривилось, на шее отчётливо проступили мурашки, и он выдавил из себя тихим шёпотом:

– Пнул меня, собака, под зад! И обозвал сукой...

Аркадий Петрович немного помолчал и, повысив голос на полтона, добавил:

– Меня сукой..., чей отец стоял у истоков советской журналистики. Меня, кто на пузе переползал весь район в годы Советской власти. А в годы перестройки? Когда началось формирование новой, современной, независимой от власти журналистики, кто как не ваш покорный слуга поднял тираж газеты практически из руин! Как стыдно... за него, козла, стыдно, между прочим!

Главный редактор закрыл глаза, отвернулся и опять начал метаться по кабинету.

По своему небольшому опыту общения с главным редактором Андрюша знал, что главное – это молчание. Набрать в себя воздуха – и молчать. Аркадий Петрович всё расскажет сам. Таково устройство его личности. Кто-то от обиды замыкается в себе, кто-то с горя лезет в бутылку, а Аркадий Петрович не успокоится до тех пор, пока не найдет свободные уши и не выльет в них свою обиду на постороннего человека. Как говорится, вода дырочку найдёт. Но шёпот, этот дурацкий шёпот, словно за кабинетами редакции установлена слежка, и ФСБ чуть ли не висит на хвосте.... Очень он не понравился Андрюше, а главное, не понравилось, что изо рта редактора вместе с запахом дешёвых сигарет дохнуло невиданной злобой. Видимо, действительно глава администрации сильно задел самолюбие старого журналиста. Именно поэтому Андрюша нарушил обет молчания и возмущённо произнёс:

– И что же вы, Аркадий Петрович, стерпели? Не сказали этому человеку, что власть ему дана не для того, чтобы бить по жопе главного редактора районной газеты, а для того, чтобы служить людям, в конце концов.

Аркадий Петрович остановился. Глаза его стали ещё печальнее. Он опустил голову и как-то уныло начал оправдываться.

– А что делать? Надо терпеть. Власть, она, Андрюша, от Бога. Так и батюшка говорит. Да я и сам читал. Приходится терпеть. А что делать? Газета в районе одна. Помнишь, была ещё одна газетёнка? Как у нас тираж упал? То-то. А глава администрации вызвал начальника милиции, дал команду – и всё. Хулиганы разгромили редакцию. Редактор, оказывается, был пьян, спровоцировал милицию на неадекватные действия. Практически в одиночку напал на наряд милиции, избил его и получил три года условно. Нет газетёнки! А как поднялся тираж нашей газеты? А-а? То-то. Приходится терпеть, Андрюша. А что делать? Деньги сегодня, Андрюша, это волшебная палочка. Махнул – и бери, что хочешь. Живи, как хочешь. Нет. Будем терпеть. Будем терпеть и работать!

Он плюхнулся в кресло, и его лицо в который раз приняло другое выражение. Словно переоделся. Мгновение назад перед Андрюшей стоял униженный и оскорблённый человек, а теперь в кресле сидел деловой, энергичный главный редактор с железным взглядом и волевым командным голосом.

– Слушай меня внимательно. Коля дорогу знает. Твой пункт прибытия – село Полуполёвка. Село небольшое. От райцентра рядом. Раньше, при Советах, там располагался колхоз «Светлый путь». Колхоз приказал долго жить. Теперь это место в шутку называют: «Путь к последнему приюту». Помнишь, как у Высоцкого... Ха-ха. Да-а, так вот. Живёт там некая «Майорша». Старая ведьма. Достала всех. Ветеран войны. Грудь в орденах. Этой старой карге уже 80 лет, а она, как молодая, скачет по колхозу и всюду суёт свой нос. Каждый будний день пишет жалобы главе администрации района. Каждый день – представляешь, какая сволочь? Одно время требовала прислать за ней «Волгу» для того, чтобы приехать на парад в честь Великой Победы 9 Мая. «Волгу», конечно, не дали. Какая «Волга»?! Чтобы на 9 мая выбраться

из Полуполёвки, надо танк выделять, а не приличную машину гробить. Глава, естественно, послал за старой перечницей «уазик». Скандал! Жалоба Путину. Теперь ей, видите ли, чудится, что в посёлке готовится заговор террористов. В родном колхозе она, видите ли, в окнах дома на окраине деревни видела всполохи. Не спит старая кошёлка по ночам. Бродит по деревне, а нам – геморрой. На это письмо глава среагировал соответственно – бред. Так эта сучка отправила жалобу Медведеву. Ответ пришёл незамедлительно. Вставили нашему по первое число. Ха-ха! Под жопу, конечно, не били, но злой стал, как мегера. Так вот, у «первого», – тьфу ты! – у главы администрации появилась идея. Чтобы умаслить проклятую старуху и отвести от себя удар, он предлагает написать большую статью об этой «Майорше». Фамилию я записал, но это пустое. Эту старую ворону и по имени-то никто не знает. Майорша и есть майорша, – все так зовут. Почему, не знаю, не приставай ко мне. Глава администрации мечет. Из области губернатор звонил. Ещё одна такая жалоба старушечки дойдёт до обкома..., тьфу ты! – до губернатора, и – пиши пропало! Нашего козла выгонят с должности с большим шумом! С треском. Тем более, грехов за ним, у-у – тьма. От воровства бюджетных средств до взяток и превышения должностными полномочиями. Но, Андрюша! Кто сегодня снимает с должности за такие пустяки? А вот Майорша, что телеграфировала президенту России о террористах, а местная власть этот сигнал проигнорировала, это серьёзно. За такое невнимание к сигналу героя войны голова может слететь в один сек. Вылетать из своего кресла наш, естественно, не хочет. Ещё бы! Не всё ещё украд, скотина. Полетит он – полетим и мы с тобой, Андрюша. И не факт, что сначала он, а потом мы. Может быть, как раз и наоборот. Сначала турнут нас, а следом и его. В стране, Андрюшенька, воруют все! От мала до велика. Глава администрации отмажется, откупится. У него друзья в области. Каждую неделю грузит мясо, овощи, девок и гонит машину в город к своим покровителям, чтобы, не дай-то Бог, его не тронули следственные органы. А мы? Кто мы, Андрюша? Перхоть, мелочь, бельевая вошь. Приедут ребята в серых мышинных шинелях с кокардами на фуражке.... раздавят и не заметят.

Главный редактор опять изменился в лице и зашептал:

– Вдруг, Андрюша, они нас сделают пособниками террористов... А-а? А это 20 лет каторги. Я не выдержу. Ты молодой. У тебя кровь с молоком, а я не выдержу, умру.

– Ну, полно вам, Аркадий Петрович, – пожалел своего шефа Андрюша. – Кто нам прилепит статью о терроризме? Какие мы пособники? Вы что? В конце концов, есть же предел маразму!

– Нету! Нету! Нету предела. Что хочу, то и ворочу. Ты ещё молод. Тебе не знать того, что знаю я. Эти люди готовы на всё. А законов в нашей стране никогда и не было. Сам знаешь.

Аркадий Петрович сделал серьёзное лицо и отрезал генеральским тоном:

– Срочное задание, Андрюша. Кровь из носа, но статья на разворот об этой чёртовой Майорше через три дня должна лежать у меня на столе! Поезжай в «Светлый путь» и без материала не возвращайся. Помни: на тебе лежит ответственность за свою и мою судьбу. С Богом!

Андрюша улыбнулся. Таким Аркадий Петрович ему нравился больше всего. Волевой, серьёзный, властный и неуправляемый. Андрюше не нравилось быть лидером. С самого раннего детства он старался не выпячивать свою грудь и прятался за чужую спину. Хочешь принимать решение, ну, так и принимай! Хочешь покомандовать – командуй, но и ответственность бери на себя. Нет, Андрюша был не командирской породы. Исполнять команду легче. Принимать решение – страшно. Вдруг всё сорвётся, и он опозорится на веки вечные, а ему, молодому холостому парню лишние заботы ни к чему. Глядя на своего шефа, Андрюша повеселел. Аркадий Петрович вскинул голову, таинственно посмотрел на него и не произнёс – выдал, как некую величайшую тайну:

– Привезёшь хороший материал, пойдём к первому, – тьфу ты чёрт! – к главе администрации за премией. Думаю, не пожалеет. Только уж ты как-нибудь там её, Майоршу эту,

умасли. Ты молодой красивый парень, такие нравятся старухам. Зайди в военкомат, возьми о ней все данные. Когда родилась, где воевала и всё, что можно. Военком – мой приятель, мы с ним на совещаниях у главы рядом сидим. Я ему позвоню. Иди, Андрюша, иди. Для подвига, для славы.

– Вы бы лучше своему асу шофёру Коле позвонили. Он такой капризный, что красна девица. Вроде генерала...

Военкомат

Районный центр, посёлок городского типа Медведево, располагался посреди одноимённого района. Сам район в области считался отдалённым, у чёрта на куличках, а от того – самым заброшенным и забытым. Хотя в советские времена гремел, как передовой район, с развитым сельским хозяйством. По льноводству занимал первые места не только в РСФСР, но и СССР. Тогда, всего за десять лет посёлок Медведево преобразился до неузнаваемости. В посёлке появился асфальт, пятиэтажные дома, канализация, водопровод. По району протянулись нитки автодорог, связывающих хозяйства с райцентром. Денег на строительство дорог и пятиэтажек не жалели, и оттого население района быстро выросло до пятидесяти тысяч человек. В посёлке построили кинотеатр на 600 мест, клуб, ресторан. Жизнь была ключом. Особую красоту сельскому ландшафту добавляли легковые машины, которые по линии сельпо и кооперации выделялись чаще, чем в городе раза в четыре. Специально для редакции газеты «Заря Советов» был выстроен двухэтажный особняк из стекла и бетона. Не хуже чем в городе. Только «праздник жизни» кончился в одночасье. По инерции район награждали ещё несколько лет. Появился даже свой Герой Социалистического труда, а председатель колхоза «За коммунизм» был выбран в Верховный Совет СССР, но всё что хорошо, почему-то быстро заканчивается. Программу по льну свернули. Денег из Москвы и области стало поступать всё меньше, а проблемы росли, как маслята в сосняке после летнего дождя. Колхозы и совхозы развалились, и если бы не энергичные потуги губернатора-коммуниста сельяне загнулись бы ещё тогда, в 1998 году. Району не везло с начальством. В провинции демократия до того скособочилась, что приняла трагические формы.

Повсеместные выборы всех ветвей власти, на всех уровнях внесли в жизнь района только сумятицу. Серьёзные люди почему-то не спешили принимать участие в выборах, например, главы администрации или депутатов поселкового Совета. Причина? Причин множество. Налоговые поступления в районную казну мизерные, а обязательства перед населением – космические. Умным, грамотным специалистам этот катастрофический разрыв между "хочу" и "есть" быстро отрезвил вскружившуюся от перестройки голову. Как результат, на выборы потянулись аферисты всех мастей, болтуны и казнокрады. Им плюй в глаза – всё божья роса! Вот и понеслась русская душа в рай.

Каждый вновь избранный глава администрации поселка Медведево на второй день после инаугурации принимался за строительство особняка. Места, кстати, в тех краях заповедные. Чудесная река, сосновый бор, земляника с грибами.... Одним словом – чистая экология и мечта. Весной речка Роста широко разливается по лугам. Сколько рыбы разной, дичи. Одним словом, неплохое это место для проживания. В следующие выборы власть менялась, и всё начиналось сначала: загородный дом на реке, джип в гараж, перстень с бриллиантом на руку... и откуда только деньги тырят, сволочи.

Андрюша приехал в район по собственной воле. Надоело толкаться в городе. Захотелось тёплого парного молочка и невесты с круглыми и пышными формами. Женская грудь была его слабостью. Увидев шикарные выпуклости, он впадал в маразм, у него текли слюни, и он бежал за женщиной, как собачонка. Видения детства, когда он спал, уткнувшись в грудь матери, не давали ему покоя всю сознательную жизнь.

В городе у него остался отец – директор небольшой фирмы. Отец ловко пристроился возле начальства области и быстро обогатился. В центре города он купил двухуровневую квартиру (кстати, в одном доме с вице-губернатором) и не жалел денег на воспитание и обучение сына. Андрюша мог себе позволить такую роскошь – отвалить после окончания университета в глубинку, «похлепать сельских щей», как говаривал его отец. Он был рад за сына. За его желание начать жизнь с низа. С нуля. Они оба прекрасно понимали, что как только Андрюше наскучит сельский пейзаж, он тут же вернётся в область. Папа ходит с сыном к губернатору на приём, и место в администрации губернатора ему обеспечено, тем более как специалисту, пришедшему «от сохи». Тот, кто испытал на себе нелёгкий крестьянский труд, да ещё добровольно, пользовался особым расположением губернатора, чья молодость также прошла в далёком селе на Алтае. Андрюша всё прекрасно понимал. Карьеру надо делать основательно. Пока в силе отец, он планировал пару лет «повалить дурака» в райцентре и уехать на родину. Не ровен час, старик заболит или его погонят с хлебного места. Тогда пиши пропало и рви на себе волосы: в областную администрацию без отца не попадёшь ни под каким соусом, будь хоть семи пядей во лбу. В серое двенадцатиэтажное здание Дома правительства попадали проверенные и избранные. Случайных людей, не связанных с властью, туда не брали. После распада СССР чиновники приватизировали свои служебные места, и никакие жизненные бури не могли выбить их из мягких кожаных кресел. Они так уютно в них сидели, что и мысли не могло возникнуть о замене.

Цены на нефть на лондонской и нью-йоркской биржах поползли в гору. В область, с барского московского плеча, тоже отвалилось немало. В свою очередь в губернии знали толк в делёжке халявных денег. Жизнь кипела, как вода в раскалённом чайнике. Бюджетные деньги лились со всех сторон.

Вечером за ужином (был такой порядок в семье у Андрюши, назывался "Кровь из носа – ужин дома") отец мечтательно закатывал глаза и говорил своим:

– Хорошо живём, сынок. Видимо, в Кремле денег столько, что и украсть всё не в состоянии. Нам отваливают. Люблю я нынешнюю власть, Андрюша. Наша она. Наша. Родная. Учись, расти. Я заработал не только на свою старость, но и на внуков. Так что держись за меня, сын. Иди в гору, делай карьеру. Мы своего места под солнцем никому не отдадим. За деньги не переживай. Твоим внукам хватит.

Это вдохновляло на трудовые подвиги на сельской ниве, в захудалой районной газете, где работников было всего пять человек: шофёр, уборщица, а остальные – «знаменитые» на весь район журналисты.

Ободрённый словами отца о запятанном «бабле», Андрюша совсем приободрился. Он уже начал строить планы о женитьбе. В мечтах ему виделась грудь шестого размера и широкая голая задница, игриво дразнящая его покачиваниями: вправо-влево, вправо-влево... Эх!

«Главное – зацепиться! – так говорил ему отец. – Не противоречь начальству и не умничай. С уважением выслушивай приказы и с удовольствием их исполняй. Встань в общий ряд. Иди плечом к плечу. Вместе, дружно. Только вместе, только в команде можно и украсть незаметно, а попадёшься – не страшно. Кругом свои. Прокурор, судья, милиционер, чиновник. Шеренги всё сплочённее. Каждый зависит друг от друга и все вместе». Сын так и жил. Писал статейки про уважаемых людей района и слыл среди интеллигенции большим умником. Его все знали в лицо и уважали – от рядового сотрудника ДПС до главы администрации. Он очень удачно подыграл шефу, когда сказал, что тот должен был возмутиться в ответ на пинок. Андрюша прекрасно понимал, что потому и пинают редактора, что он «ничто, никто и зовут его «никак». Раб желудка, денег и обстоятельств. Халтурщик и блюдолиз. Трусливый и подлый. Хотя и называет себя интеллигенцией в пятом поколении. Бред. Обычный лодырь в золочёных очках, который боится, что его выпрут с работы, и он не принесёт жене зарплату, та, в свою очередь, пнёт под зад его и выгонит жить на улицу, а там и до трагедии недалеко.

Что особенно бесило Андриюшу в загнанном, как лошадь, главном редакторе, так это его фантазии. Подлец любил рассказывать о своей прошлой жизни, когда он пил дорогой коньяк, курил ароматизированные сигареты и трогал за неприличные места хорошеньких секретарш с наивными голубыми глазами. Врал, что все его любят, старого козла, но обманывал главный только самого себя. Андриюшу не обманешь. Он-то знает, отчего глаза у женщин начинают мерцать таинственным светом. Деньги, дорогие подарки и модные шмотки, – вот от чего у них кружится голова. А любовь старика... Кому она нужна, любовь старого жеребца, доживающего свою никчемную жизнь в пыльном захолустье?

Глава администрации не дурак, хотя интеллектом не блещет. Однако для руководства районом большой ум и не нужен. Андриюша даже шутил по этому поводу: «Попадись умный глава администрации, так он с ума сойдёт». Этот знал, кого пинать. Ему бы, Андриюше, не то, чтобы поддать под зад, грубого слова сказать не посмел бы. Знает, шельма, что один звонок отцу – и у главы райадминистрации появится очень серьёзный критик в областном правительстве. Нет, напротив, не раз и не два глава администрации предлагал ему пост главного редактора. Но зачем? Зачем этот геморрой? Пусть шеф наслаждается, а ему нужны приключения и маленькие радости с большой грудью.

Осеннее утро порадовало Андриюшу всё ещё тёплым солнышком. Листья с тополей и берёз давно облетели, но погода стояла, как в начале осени. До военкомата было всего два шага. Перейти через площадь перед администрацией и вот тебе – военкомат. Андриюша бодро перешёл площадь и вошёл в двухэтажное здание старой постройки. Именно здесь размещалась администрация до своего переезда в новый трёхэтажный офис из стекла и бетона. Военком, конечно, разместился в бывшем кабинете главы района. Когда Андриюша вошёл к нему, то удивился, что и мебель вся осталась в распоряжении военкома. Те же столы, ковровые красные дорожки а-ля СССР, стулья времён «холодной войны» и зелёное сукно на огромном длинном столе для заседаний.

«Зачем такой стол военкому?» – подумал Андриюша, но свой вопрос задать не успел. Из кресла поднялся тучный, за сто килограммов, человек в форме полковника артиллерии. На его лысой голове миролюбиво блеснуло отражение огромной люстры.

– Андриюша! – зарычал военком. – Какие люди! Какими судьбами? Золотые перья журналистики стали к нам залетать. Андриюша, вот молодец, а я сижу и думаю, с кем шаррахнуть по рюмахе.

Андриюша знал о пристрастии военкома и быстро осадил его.

– Игорь Валерианович, господин полковник, я по делу.

Военком пропустил своё имя мимо ушей, а при «господине полковнике» его жирное лицо приобрело форму блюда, глазки нырнули в глубину, и только сочные губы выделялись по-прежнему.

– Андриюша, какие пустяки. Не хочешь, значит, так надо. Это мне, старому полковнику, грустно и скучно. А ты молодец, тебе дерзать. Идти, так сказать, в атаку с пером. В штыковую.

Он сел обратно в кресло, да так, что кресло сначала вздрогнуло, а затем закрипело жалобно и протяжно.

– Говори, – рыкнул полковник, и Андриюша рассказал суть проблемы.

– Знаю я такую заразу. Ох, и противная бабёнка. Всех достала. «Майорша» – так её все зовут. Старая ведьма. Чуть что – пишет Путину. Чуть что – в область губернатору. На всё у неё жалоба, на всё у неё пожелания. Мы ей и ремонт дома за счёт военкомата сделали, и офицерский китель новый пошили. Чуть свою папаху не отдал. А ей всё мало. Ты говоришь, жалоба поступила? Правильно Аркашка тебя послал. Прокатись. Я сейчас распоряжусь. Тебе покажут личное дело этой старой ведьмы. Скоро юбилей Победы. Ох, и трудно будет. Не дай Бог, захочет в область на парад Победы поехать. Ох, не дай Бог. Намучаюсь я с ней. А ты иди.

Я звякну в отдел учёта. Все материалы тебе предоставят. Хорошие люди умирают пачками. Просто мрут, как мухи, а этой ни-че-го. Живёт. Бегаёт, как конь бельгийский.

Полковник нажал кнопку. Вошёл секретарь.

– Отведите Андрюшу в отдел учёта. Пусть поработает. Дайте ему всё, что он попросит.

Отдел учёта был рядом. По коридору направо через три двери. Когда Андрюша вошёл в кабинет, у него зарябило в глазах от оголённых ног и симпатичных мордашек. В кабинете находились три девушки-военнослужащие. Две имели звание прапорщиков, а третья была сержантом. Вокруг трёх столов до потолка выселись стеллажи с разноцветными папками. Троица стояла посреди кабинета. Все в коротких юбочках, подкрашенные и кудрявые. Они дружно заулыбались, наперебой предлагая молодому человеку свои столы. Андрюша поначалу даже растерялся от такого натиска. Однако взял себя в руки. Сделал серьёзное, насколько мог, лицо. В его планы не входил флирт. В его планы входила работа. Ответ военкома заставил его серьёз отнестись к поручению. Видимо, ветеран войны была штучкой не простой. От его визита и статьи могла зависеть и его собственная судьба. В голове Андрюши родилась идея сделать серию статей. Под рубрикой «Навстречу юбилею Победы». Поездка обретала совершенно другой смысл. Ему захотелось написать так, чтобы поучаствовать и в областном конкурсе на лучший репортаж о ветеранах Великой Отечественной. Это была беспрюирышная тема. День Победы – это было то святое, что осталось у страны, что объединяло её и позволяло людям ощущать свою общность. Все остальные праздники превратились в борьбу нового со старым, но Великая Отечественная война стояла особняком. Как Священная Корова. Военную тему старались не чернить ни правые, ни левые, ни демократы, ни коммунисты. На этой теме можно было сделать имя и звание. Всё пригодится. Да, у отца водятся деньжата, но и своё иметь что-то надо. Конечно, Россия не Запад. Здесь на имена плевать, главное – чей ты. В чьих кругах тебе жмут руку. Общественное мнение превратилось в совершенный ноль. Однако, если есть связи, деньги, то имя имеет значение.

Андрюша мысленно нарисовал картину будущих действий. Три репортажа о ветеранах. Первую статью, как и хотел главный редактор, он сделает на разворот и через три дня. Второй репортаж выйдет к Новому году, а третий, опять на разворот, – к юбилею Победы. Это будет «полотно», как говаривал редактор. Андрюша от нетерпения вытянул руки вперёд и громко сказал:

– Девочки, сдаюсь в плен без боя, примите мою шпагу. Только дайте присесть и принесите материалы по Майорше. Слышали про такую?

Девочки стали серьёзными. Две пожали плечами, а третья показала на свой стол рядом с окном.

– Присаживайтесь, Андрей Юрьевич. Я вам всё принесу.

Майорша – она же Нина Константиновна Хибарь, моя подопечная. Весь учёт у меня. Присаживайтесь. Чаю?

– Да. Я не против.

– Девочки, быстро чай! – крикнула прапорщик и сама пошла к полкам.

Работа закипела. Девочки моментально выполнили команду, и одновременно с коробкой бумаг на столе появились чашка дымящегося чая, розетка, полная вишнёвого варенья, и ваза с печеньем и конфетами.

«Кучеряво», – подумал Андрюша, но ему сейчас было не до сладкого. Хлебнув обжигающий чай, он открыл личное дело и углубился в чтение. Им овладел азарт охотника. Он впился в первые строчки личного дела и забыл обо всём на свете. Яркий свет люстры высветил пожелтевший листок учёта Нины Константиновны Хибарь. Глаза медленно переместились ниже. Год рождения – 1924-й. Так, значит, восемнадцать лет ей исполнилось в 1943 году. Учёба на военного ветеринара: 1944 год. Служба в кавалерии N-ского полка в звании младшего лейтенанта ветеринарной службы. Перевод в санитарную роту кавалерийского полка. Перевод в артилле-

рийскую батарею ветеринаром конной тяги. Перевод в батальон хозобслужки ветеринаром хозввода в звании младшего лейтенанта. Медаль «За взятие Берлина». Медаль «За победу над фашистской Германией». Стоп. Андрюша прервал чтение. Подождите. Спокойно. Ещё раз. Перевод ветеринаром в хозобслужку хозввода в звании младшего лейтенанта... Медали. Как в звании младшего лейтенанта? Не может быть! Ещё раз. Ещё раз. Не может быть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.